

Мато Нажин

МОЙ НАРОД СИУ

Мемуары вождя индейского племени тетон дакота оглала.

*Жизнь индейцев – это непрерывная цепь
горьких и трагических событий.*

Жозеф Диксон, «Исчезающий народ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемых вниманию читателя мемуарах индейского вождя Мато Нажина «Мой народ сиу» показана трагедия одного из североамериканских индейских племен, раздавленного колонизаторами.

События, описанные в мемуарах, относятся ко второй половине XIX века. До прихода бледнолицых племя сиу жило охотой на бизонов, которые бесчисленными стадами паслись у них на родине, в прериях Дикого Запада Америки. Много лучших страниц книги посвящено этой счастливой для индейцев поре.

Как и соседние охотничьи племена, сиу жили родовым строем, и моральный кодекс их неписаных законов вызывает уважение у самых образованных людей цивилизованного мира. Вот краткое, емкое и авторитетное суждение об атом.

«И какая чудесная организация – этот родовой строй при всей ее наивной простоте! Вез солдат, жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без процессов – все идет своим установленным порядком. Всякие споры и недоразумения разрешаются коллективом тех, кого они касаются, – родом, или племенем, или отдельными родами между собой; и лишь крайнее, редко применяемое средство – кровная месть...»¹.

Воспитанные суровой природой, живя в тесном общении с ней, сиу никогда не позволяли себе грабить ее богатства, Своими стрелами, выпущенными из первобытных луков, они убивали лишь столько бизонов, сколько им было необходимо, чтобы прокормиться и одеться. Но вот появились бледнолицые охотники с огнестрельным оружием и принялись варварски уничтожать бизонов. Они сбывали их шкуры на рынке в огромных количествах и по большой цене, а туши бросали на растерзание хищникам. За девять лет колонизаторами было уничтожено восемь миллионов этих гигантов прерий. К 1883 году были истреблены последние,

Жизнь без охоты на бизонов означала для сиу голод и безутешное горе. Самые основы их жизни рухнули. Помощь американского правительства индейцам осуществлялась небрежно, с полным непониманием психологии этих людей и их быта, и часто сводилась к нулю.

Наряду с этим колонизаторы вытесняли индейцев на бесплодные земли, в отведенные для них резервации. Все это закреплялось договорами, из которых ни один не был выполнен впоследствии.

¹ Ф. Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства»

В конце концов чаша терпения переполнилась, и индейцы восстали. Начатое индейцами сиу восстание охватило двадцать племен, разбросанных по прериям Великих равнин. Они мечтали скинуть в Атлантический океан ненавистных колонизаторов и снова стать полноправными хозяевами прерий. Восстание было подавлено регулярной армией пришельцев...

Мемуары индейского вождя написаны взволнованно, с простосердечной искренностью. Мато Нажин не сгущает красок, он доверчиво делится с нами горькой правдой о тяжелой судьбе своего народа.

С благодарностью вспоминает автор мемуаров своего учителя мистера Пратта, педагога, совестливого американца и хорошего человека, который выхлопотал у правительства разрешение открыть школу для индейских детей в самую тяжелую пору катастрофы и голодовки индейцев. В этой школе Мато Нажин получил элементарные знания, позволившие ему на закате жизни написать свои мемуары. Писательнице А. Ю. Макаровой, переводчику книги, посчастливилось найти эти интереснейшие мемуары. Ее находка не случайна и явилась следствием многолетнего внимания к этой теме. Пять лет назад в ее переводе вышла поэтическая и очень любимая как юным, так и взрослым читателем повесть писателя Серой Совы «Саджо и ее бобры».

У нас все еще недостаточно книг о том, кто и как жил до прихода белых на территории Северной Америки. Читателю остается поблагодарить А. Ю. Макарову за выбор и сделанную работу.

Леонид ЛЕОНОВ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Работая в Американском музее естественной истории, где был большой этнографический отдел, мне приходилось встречаться с учеными, которые посвятили свою жизнь изучению культуры разных индейских племен. Их глубоко волновала трагедия гибели этого гордого, самобытного народа. Мне очень хорошо запомнились высказывания друга индейцев доктора наук Жозефа Диксона: «Мы не могли понять индейцев, потому что они прислушивались к голосам природы, а мы к шороху доллара»².

Для меня было большой радостью найти в сокровищнице мировой литературы предлагаемую нашему читателю книгу индейского вождя Мато Нажина «Мой народ сиу». С волнением работала я над переводом этих бесхитростных мемуаров, раскрывающих самое сердце индейского народа.

Мато Нажин, автор книги «Мой народ сиу», индеец, вождь племени оглала сиу, кочевавшего по бескрайним просторам Западной равнины Северной Америки. Очень простыми, от сердца исходящими словами рассказывает он о своем детстве и обо всей своей жизни, которая неразрывно связана с судьбой его обездоленного народа. Эта книга говорит о том, как колонизаторы вытеснили индейцев – коренных жителей Америки – на бесплодные земли; перебив огнестрельным оружием бесчисленные стада бизонов, колонизаторы лишили индейцев источника существования и обрекли их на голод и вымирание. Эта книга говорит о том, как американские правители своей хищнической лицемерной политикой подорвали доверие к себе индейского народа, и о том, как доведенные до отчаяния индейцы восстали.

² «The vanishing Race» by dr. Joseph Dixon.

Все, что написано в книге, пережито и выстрадано автором вместе с его народом. В ней нет никаких литературных прикрас – она искренняя от первого до последнего слова. С чувством глубокого негодования читаешь страницы о жадности охотников-авантюристов и жестокости американской военщины, о полном непонимании вашингтонским правительством индейцев, непонимании, которое привело к трагической гибели одного из самых сильных и отважных индейских племен, так же как и всего индейского народа.

Американские дипломаты смотрели на договоры, заключаемые с индейцами, как на красивый жест, а индейцы сначала верили им с простодушием детей. Но потом они все поняли.

Мато Нажин взволнованно рисует картины народного гнева, картины назревавшего и вспыхнувшего восстания. Неподражаемы по своей наивной простоте воспоминания детства.

Вот что говорит индейский вождь о своей работе над мемуарами:

«Работая над этой книгой, я совсем не думал о славе, мне только хотелось, чтобы бледнолицые люди во всем мире узнали правду о моем народе.

Об индейцах писали много, но это были главным образом писатели из колонизаторов, которые в большинстве случаев сочиняли о «краснокожих» такие ужасные истории, что у читателей кровь стыла в жилах. Писали и люди, хорошо и доброжелательно относившиеся к индейцам, но у них обычно не хватало знаний, складывались неправильные представления об индейцах, так как они никогда не жили среди них.

А поэтому я надеюсь, что эта книга поможет читателям с бледной кожей составить более правильное представление об индейцах: о том, что они считали хорошим, что плохим, и о том, что они знали и как их одарила природа. Мне хочется, чтобы все люди узнали правду о коренных обитателях Америки и об их взаимоотношениях с правительством США».

Мато Нажин обещал рассказать в мемуарах правду о своем народе. Он очень строг в своем стремлении рассказать только чистую беспристрастную правду.

И он рассказал нам волнующую горькую повесть об индейцах, которые на своей родной земле ищут справедливости и понимания у цивилизованных пришельцев и не могут найти. Трагедия индейского народа в США тянется на протяжении многих десятилетий, и будущее им кажется безнадежным.

Президент США Линдон Джонсон принял в Белом доме членов исполнительного совета Национального конгресса американских индейцев. В беседе с ними президент признал, что коренные жители Америки – индейцы – страдают от нищеты больше, чем любая другая группа населения страны. «Это позорный факт, – сказал он. – Средний доход 400 тысяч индейских семей, живущих в резервациях, меньше одной трети среднего дохода в целом по стране».

Но не только от нужды страдают индейцы – свободолюбивые от природы, они не могут примириться с ограничением свободы с тех пор, как их разместили по резервациям.

«Нужен еще один Линкольн, чтобы освободить индейцев», – пишет наш современник индеец в американский журнал «Лук».

События, изложенные в этой книге, относятся к концу прошлого века. Автор писал ее на закате своей жизни – последние страницы были написаны в 1927 году, когда ему было уже шестьдесят лет. Впервые книга была издана в Лондоне в 1929 году.

Эта книга иллюстрирована Б. Жутовским на основании глубокого изучения и в строгом соответствии с традициями индейского народного изобразительного искусства.

ОТЕЦ

Индейцы сиу, к которым принадлежит мой род, с давних пор славились своей силой и были могучим народом. Много лет они кочевали и охотились по всей Западной равнине Северной Америки, где было тогда много тенистых рощ и студеных рек.

Холодной зимой, в тот год, когда разбивали лагерь, в месяц, когда трескается кора на деревьях, я появился на свет. В те времена у нас не было календаря и мы еще не знали счета дням и отмечали только годы и месяцы. В течение каждого года случались важные события в жизни племени, и по ним мы вели летоисчисление; так же отмечались и месяцы. После того как я стал учиться в школе, я высчитал, что год моего рождения был 1868, а месяц рождения – декабрь.

Моя мать была очень красивой женщиной, недаром она получила прозвище «Красивое Лицо».

Мой дедушка – отец моего отца – был вождем и славился своей храбростью и огромными табунами крапчатых мустангов – военной добычей.

Когда родился мой отец, дедушка назвал его «Крапчатый Мустанг». Это прозвище осталось за отцом до тех пор, пока он сам не вышел на военную тропу и не заслужил своего нового имени – Мато Нажин, что в переводе означает «Отважный Медведь». Мне было очень интересно узнать, как все это случилось, и я ловил каждое слово отца, когда он вспоминал прошлое. Вот его рассказ, каким он остался у меня в памяти:

«Как-то раз разведчик сказал, что на нашем охотничьем участке появились индейцы племени пауни и уничтожают там бизонов. Это известие встревожило наших людей, и храбрые³ стали готовиться к битве. Мы знали, что нам предстоит схватка с сильными врагами, которые владели луком с необыкновенной ловкостью: сброшенный с лошади пауни быстро вскакивает и продолжает стрелять; даже раненный, лежа на спине, он не выпускает лука и стрелы из рук.

Мы отправились в путь верхом на лошадях и ехали довольно долго, не встречая никого. Но когда перевалили через холм, мы заметили внизу в долине индейцев пауни. Они только что перебили большое количество бизонов, и огромные туши этих животных валялись в беспорядке здесь и там. Каждый охотник сдирал шкуру с бизона, которого он убил.

Наши индейцы помчались туда с быстротой, на которую были способны их пони. Я в тот раз был на гнедом коне, очень резвом скакуне.

Когда пауни заметили, что мы приближаемся, они бросились врассыпную к своим лошадям, а мы вдогонку за ними. Я начал было преследовать нескольких охотников, которые перевалили через холм, но потом увидел, что они ускакали слишком далеко, и, чтобы не загнать до упаду свою лошадь, я повернул обратно. Когда я стал приближаться к своим индейцам, то заметил, что несколько человек стояли, столпившись в кучку; я поспешил к ним, чтобы узнать, в чем дело.

Когда я приблизился, то увидел, что наши люди окружили индейца пауни. Оказалось, что во время замешательства его лошадь ускакала и он отстал. Но с пауни были его лук и стрелы, и он не подпускал к себе никого из наших индейцев. Он был высокого роста и очень храбрый. Когда наши люди стали обстреливать его из луков, пауни спокойно стал вытаскивать стрелы, которые ранили его, ломал и выбрасывал их. Те же стрелы, которые

³ У индейцев «храбрый» - звание, оно присваивается юношам за подвиги.

пролетели мимо, он поднимал с земли и с насмешкой предлагал нашим индейцам продолжать. Я спросил наших людей:

– Дотронулся ли кто-нибудь из вас до врага?

– Нет, никто еще не дотронулся, – ответили несколько голосов, – мы не решаемся.

Тогда я закрылся щитом, сделанным из шкуры бизона, и взял в руки копье.

Пауни не показал виду, что он встревожен, когда я подъехал к нему совсем близко, чтобы коснуться копьем. Защищаясь, он пустил стрелу. Эта стрела, ударившись о щит, отскочила немного в сторону и ранила мне левую руку. Вслед за мной поскакал наш индеец Черный Ворон, за ним Черная Собака, и четвертым был Одноухая Лошадь. Все мы дотронулись до неприятеля, но я это сделал первым. Пауни ни на минуту не растерялся; после того как он ранил меня, у него уже была наготове другая стрела. Индеец, который следовал за мной, был ранен в плечо, третий – в бедро; когда четвертый из нас коснулся неприятеля, стрела вонзилась ему в спину. Итак, пауни ранил каждого из нас, прикоснувшись к нему копьем. Все мы заслужили почеть – все четверо.

После этого храбрый пауни скрылся с поля битвы, спасая свою жизнь.

Нам теперь ничего не оставалось делать, как возвращаться домой. Когда мы отъехали на небольшое расстояние, я почувствовал большую слабость и мне захотелось спать.

Старый вождь, которого звали Два Удара, и мой дядя Поломанная Рука стали меня придерживать с двух сторон, чтобы я не упал с лошади. Впервые мне пришлось быть в таком состоянии. Мне казалось, что я засыпаю. На самом же деле я потерял сознание.

Во сне (как мне казалось) я вдруг услышал клекот орла, который доносился высоко с неба. Мне чудилось, что он кружил в небесах и со свистом все ближе и ближе спускался ко мне. Тут я очнулся и увидел знахаря. Он бегал вокруг меня, посвистывая в свисток, сделанный из кости орлиного крыла. Оказалось, что знахарь привел меня в сознание и я очнулся от сна.

Тогда вождь Два Удара (он был глубоким стариком) и мой дядя Поломанная Рука отвели меня домой.

Они пели и славилы мой подвиг. Когда мы вошли в наш поселок, храбрые плясали военный танец «Победа» и мне было воздано много почестей.

Вскоре после этого созвали Совет вождей, и старый вождь Два Удара говорил о моей храбрости, о том, как я встретился лицом к лицу с врагом, не испугавшись смерти. На этом собрании меня выбрали вождем племени сиу и стали называть «Мато Нажин» – «Отважный Медведь».

Я выслушивал рассказы отца затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово.

Еще до того, как я появился на свет, мой отец не раз воевал с враждующими индейскими племенами⁴. Он всегда был впереди, и никто никогда не видел, чтобы он бежал от врага. Когда я родился, он назвал меня «Меткий Стрелок». Потому что ему хотелось, чтобы я был таким же отважным воином, как и он.

⁴ Между отдельными индейскими племенами бывали военные стычки, обычно из-за охотничьей добычи. То, что различные племена говорили на разных языках, мешало взаимному пониманию. Впоследствии колонизаторы использовали эту мелкую вражду между племенами и отдельными вождями в своих целях.

ЧУДОВИЩНАЯ ЗМЕЯ

Я был еще совсем маленьким, когда один из наших разведчиков прибежал в лагерь и сказал, что он видел, как огромная змея с грохотом ползла по прерии, а над ней, над этой чудовищной змеей, тянулось большое облако дыма. Это известие сильно взволновало индейцев. Они долго думали и не могли догадаться, что это за змея и откуда она появилась.

Прошло некоторое время, прежде чем удалось увидеть эту диковинную змею и другим индейцам. Они тоже увидели, как дым клубился над ней, и слышали грохот.

С тех пор индейцы стали часто взбираться на вершину холма, чтобы увидеть, как проползает страшное чудовище, и послушать странные звуки, которые оно издает. А когда они обнаружили, что змея ползет по железным тропам и никуда в сторону не уползает, то они стали подходить ближе, чтобы лучше рассмотреть.

На самом деле это вовсе не была змея, а был поезд, но так как наши индейцы еще никогда не видели поезда, то они и подумали, что это была какая-то чудовищная змея.

Впервые в прерии стал ходить поезд. Это колонизаторы-бледнолицые пришельцы из Европы – проложили здесь железную дорогу, которая пересекала прерию с востока на запад.

Как-то раз отряд индейцев возвращался домой с военной тропы. Их мучила жажда, и они остановились на железнодорожной станции, чтобы напиться воды. Бледнолицый начальник станции не позволил им брать воду и потребовал, чтобы они ушли. По всей вероятности, он боялся их мести за свои недобрые дела. Его поведение вызвало сильное раздражение у индейцев – им показалось очень странным, что бледнолицые пустили свой поезд по индейской земле, а теперь даже не дают индейцам воды, чтобы утолить жажду.

Военный отряд индейцев вернулся домой и обо всем рассказал своим людям. Тотчас же было созвано собрание, на котором индейцы единогласно решили отомстить бледнолицему начальнику.

Моя мать слышала, как совещались взволнованные люди. Оставив меня на попечение бабушки, она взяла маленький топорик и пошла вслед за мужчинами. Когда они подошли к полотну железной дороги, то сначала посоветовались друг с другом, что делать, а потом застучали топорами, так что щепки полетели от шпал во все стороны. Моя мать не отставала от мужчин и усердно работала своим маленьким топориком. Скоро мужчины оттащили в сторону шпалы и разъединили рельсы. Тогда все отошли на расстояние около мили в сторону и стали наблюдать, что произойдет, когда промчится поезд. Ждать пришлось недолго.

Бригада поезда заметила вдали индейцев и стала их обстреливать. сию вскочили на своих лошадях и помчались, размахивая в воздухе хлыстами. Бледнолицые стали смеяться и кричать им вслед, что вряд ли они перегонят поезд, и так увлеклись своими злыми шутками, что не заметили, что путь впереди был разрушен...

Моя мать в это время сидела, притаившись где-то недалеко. Ее оглушил невероятный грохот и треск. Когда она пришла в себя, то увидела, что произошло крушение поезда и что вагоны разлетелись в щепки. Она поспешила к месту катастрофы. Оказалось, что этот поезд вез на Дальний Запад товары, в том числе большое количество бус. Индейцы нашего племени еще никогда не видели этого украшения – для художественных вышивок женщины обычно употребляли иглы дикобраза. Моя мать оказалась новатором в этом деле – она собрала столько бус, сколько могла унести, и решила использовать их для украшения нашей одежды. Впервые взявшись за это дело, она расшила сначала полоску от

шкуры бизона, употребив для фона желтые бусы. Вышивка ей показалась красивой, и мать пришила ее к шкуре молодого бизона, в которую она укутывала меня вместо одеяла.

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

Летом на втором году моей жизни северные сиу приехали навестить нас. Это, наверное, было во время Танца Солнца – торжества, на которое собиралось все племя. В Черных Холмах, вблизи нашего лагеря, протекал ручей, который сильно разлился от ливней. Наша палатка стояла в том месте на берегу ручья, где был брод. Гости переправлялись там на своих маленьких лошадках и проезжали мимо нашего типи, направляясь к Черным Холмам. Мать поставила на землю около типи большую миску с угощением, приготовленным из бизоньего мяса, наподобие студня, а рядом, завернутый в шкуру бизона, расшитую бисером, лежал я. Гости останавливались, чтобы приласкать меня и отведать угощения.

Иногда небольшие происшествия нашей жизни всплывают в памяти гораздо отчетливее, чем большие события. Хорошо помню себя еще совсем маленьким мальчиком, когда наш лагерь снялся ночью и меня положили спать в индейскую бесколесную тележку ханпа уанжила, или, как она теперь называется, травуа. Одна из лошадей, запряженных в тележку, чего-то испугалась и рванула в сторону шесты, из которых была сооружена ханпа уанжила. Шесты скрестились и защемили мою ногу. Я проснулся в слезах и увидел мать, склоненную надо мной, – она подошла, чтобы утешить меня. Позже, когда я уже был подростком, я рассказал матери об этом маленьком происшествии раннего детства, и она удивилась, что я запомнил все так хорошо, и сказала, что мне было тогда около двух лет.

МЕТКИЙ СТРЕЛОК

Кажется, моим первым подарком были лук и стрелы – я их получил от отца. Он сам смастерил и выкрасил в красный цвет не только лук, но и все стрелы; это означало, что он был ранен в битве. Отец не стал заострять стрел, а сделал их с тупыми наконечниками, так как я был еще совсем маленьким мальчиком; он позаботился также и о том, чтобы лук не был тугим и чтобы мне не было трудно его натянуть.

Мои первые попытки стрелять были началом моей тренировки для суровой воинственной жизни индейца. Моим учителем был отец. Он терпеливо объяснял мне, что лук надо держать в левой руке, а правой натягивать тетиву к себе; что стрелу надо приставить с левой стороны лука над большим пальцем. Отец много раз говорил мне, что надо научиться метко стрелять, а также быть очень осторожным в стрельбе и что когда настанет знаменательный день и я выйду на военную тропу, то заслужу высокие почести, если не забуду его назиданий.

Я никогда не расставался со своим луком, он напоминал мне о храбрости моего отца. Все в нашем лагере знали, что мой отец был ранен в битве.

Мы, мальчики, любили играть около лагеря и стрелять из наших луков. Найти стрелу, которая залетела далеко, было сначала очень трудно, но благодаря советам отца становилось все легче с каждым днем.

Как только я смог сидеть верхом на пони, отец подарил мне лошадку из своего табуна. Нужно ли говорить, какая это была для меня радость!

Индийские пони – очень кроткие маленькие животные. Мы очень любили подходить к ним близко, и они нас совсем не пугались. Они даже позволяли нам гладить себя, а мы без труда ловили их, когда было надо.

Черные дрозды были верными спутниками индейских лошадок. В этом нет ничего удивительного: пони помогали дроздам находить корм. Вот как это происходило. Когда пони бродили среди высокой травы прерии и паслись там, они вспугивали множество кузнечиков, а для дроздов кузнечики – лакомое блюдо, и, конечно, они не упускали случая поохотиться. Вот так и завязалась дружба. Постоянно можно было видеть, как несколько черных дроздов сидели на спине пасущейся индейской лошадки.

Однажды отец взял меня с собой на охоту за птицами. Он показал мне, как ползком подкрадываться к добыче. Вышли мы с ним в прерию, где паслись пони, и подползли совсем близко к ним. Мне очень хотелось убить черного дрозда. Но напрасны были все мои усилия – ни одна из моих стрел не попала в цель. Пришлось вернуться в лагерь с пустыми руками.

На следующий день на охоту за птицами отправились мой двоюродный брат с дядей; я пошел вместе с ними. В тот день я убил свою первую птицу. Это событие меня сильно взволновало.

Когда мы вернулись в лагерь и мой отец узнал о моей первой охотничьей добыче, он был очень рад и тотчас же позвал глашатая, чтобы тот известил народ, что Ота Кте – Меткий Стрелок – убил свою первую птицу, а Отважный Медведь – его отец – в ознаменование этого события дарит свою лошадь бедняку.

Теперь я чувствовал себя совсем большим мальчиком и гордился тем, что весь лагерь услышал обо мне.

ОХОТА НА БИЗОНОВ

Мне было уже семь лет, когда мы стояли лагерем на Большой Белой Речке в сорока милях от Черных Холмов. Племя сиу насчитывало тогда в своих рядах около двадцати тысяч индейцев.

Как-то раз мой отец, придя домой после совета вождей, сказал матери, что все наше племя должно перекочевать в северную часть Небраски, где, судя по следам, было большое количество бизонов.

На следующий день рано утром отец позвал меня и сказал, чтобы я залез на верхушку типи и вытащил бы скрепы. Через несколько минут все типи были разобраны, и наши индейцы двинулись в путь. Мы, мальчики, ехали верхом на пони рядом с продвигавшимся караваном, преследуя все живое, что попадалось на пути.

Путь был долгий. Прежде чем прибыть на место, где, как предполагали мы, должны быть бизоны, наши люди трижды делали привал.

Солнце уже начало садиться, когда мы все собрались около большого костра, разожженного на сухом помете бизонов. Был тихий ясный вечер, и дым подымался прямо вверх. Старики спокойно беседовали о чем-то. Вот двое из них поднялись и обвели взглядом всех собравшихся: по-видимому, они кого-то искали. Наконец их глаза остановились на молодом индейце; он был среднего роста, сухощавый, и его все знали как человека, на которого можно было положиться; он был хорошо знаком с этой местностью и знал, где находятся водопои; был храбрым и не боялся путешествовать один по ночам в любую погоду. Все знали, что если он повстречается с врагом, то даст ему должный отпор. Этого человека выбрали в разведчики.

Не теряя ни минуты, юноша отправился в свое типи, чтобы захватить все, что ему будет нужно. Он вернулся с колчаном, полным стрел, в руках у него был тугой лук. Поясная повязка и мокасины составляли весь его костюм. Вокруг шеи у него был плетеный ремешок из оленьей кожи, на нем висел мешочек с целебными травами. Когда разведчик вернулся к собравшимся, его встретили приветственным пением. Он пробежал вокруг костра три раза, а потом быстро скрылся в темноте. После этого потушили костер.

На небе показалась луна, хотя было еще сравнительно рано. Старец, который всегда исполнял роль глашатая, обошел все типи, увещевая народ соблюдать тишину, и мы об этом помнили даже во время игр.

Когда старец возвращался в свое типи, он несколько раз останавливался и прислушивался. Тишина была полная, не слышно было ни плача ребенка, ни даже лая собак.

Разведчик отсутствовал всю ночь. Рано утром, еще до восхода солнца, старец снова обошел все типи с возгласом: «Ко-о-ко-о!» – что в переводе будет: «Готовьтесь!»

Скоро все типи были сняты. И не успел глашатай уйти, как запылали костры, индейцы стали себе готовить завтрак. Еще до восхода солнца весь лагерь двинулся в путь.

Двенадцать старцев были во главе этого шествия. Один из них шел с горящим факелом в руке.

Все они поднялись на высокий холм, откуда было видно на большое расстояние, но так как сиу тогда ни с кем не воевали, то это не было опасно. Здесь они разложили большой костер из сухого помета бизонов.

В то время как старцы, ожидая возвращения разведчика, напряженно смотрели вдаль, остальные индейцы спешили и занялись необходимыми делами: мужчины сняли седла с уставших, взмыленных лошадей и пустили их попасться; женщины перекладывали свои узлы; даже мы, мальчики, постарались найти себе какую-нибудь полезную работу.

Вдруг один из старцев поднялся и воскликнул: «Хи-ие-хе!» Это означало, что разведчик возвращается.

Все мы очень обрадовались. В костер подбросили сухой бизоний помет, и огонь запылал еще веселее. Мужчины собрались полукругом около костра, и все сели на землю; женщины и дети расположились сзади них. Даже пони и собаки инстинктивно приблизились к собравшимся, как будто и им хотелось услышать, что скажет разведчик.

Один из старцев держал трубку мира, повернув ее в том направлении, откуда приближался разведчик.

Мы увидели его на большом расстоянии: разведчик стоял на вершине холма. Здесь он простоял довольно долго. Потом пробежал около полумили на восток, потом такое же расстояние на запад и, наконец, поспешил к тому месту, где мы собрались у костра. Мы все поняли, что, когда он побежал на восток, а потом на запад, он хотел этим сказать, что увидел в том направлении много бизонов.

Разведчик подошел к костру с противоположной от нас стороны. Потом сел на землю, и старый индеец протянул ему трубку мира. Три раза разведчик вытягивал вперед обе руки, но не тронул трубку мира. Наконец в четвертый раз он ее принял. Затянувшись несколько раз, он отдал трубку мира обратно. Все закричали: «Хо-хо!» – «Спасибо!»

Разведчик закурил трубку мира для того, чтобы сказать, что будет говорить только правду.

После этого он стал рассказывать, в каких местах он видел бизонов, сколько их приблизительно было и как спокойно они паслись. Это были хорошие вести, потому что если бы на бизонов уже охотился кто-нибудь, то они были бы в тревоге. Когда разведчик

говорил и ему нужно было показать направление, он всегда прибегал к помощи большого пальца.

Теперь его работа была закончена, и он пошел отдыхать в свое типи.

Старик индеец с трубкой мира в руках вдруг отдал распоряжение двигаться. Индейцы стали быстро делать последние приготовления: бизоны были уже недалеко. Охотники поскакали на своих маленьких пони, ведя под уздцы за собой крупных быстроногих лошадей. На этих скакунах индейцы никогда не перевозили тяжестей – они берегли их для охоты. Не удивительно, что эти холеные лошади были неутомимы в погоне за бизонами.

Несмотря на то, что охотники знали, где находятся бизоны, им не было разрешено перегонять друг друга. Если только один бизон будет ранен, он может распугать все стадо и испортить охоту. Поэтому охотники должны были держаться все вместе. Нельзя забывать, что на этой охоте нужно было убить столько бизонов, чтобы сделать запасы мяса на всю зиму для всего племени. Чтобы предупредить нежелательные выходки ловкачей, которые хотели бы проскочить вперед, трое индейцев, вооруженных дубинками, сопровождали охотников. Очень редко встречались охотники настолько взбалмошные, чтобы подвергнуть себя такому наказанию.

Три индейца, вооруженных дубинками, присмотрели себе укрытие, где, оставаясь незамеченными, рассчитывали оказаться как можно ближе к стаду. Скоро эти индейцы дали команду охотникам сесть на своих лучших лошадей. Индейцы скакали без седел, поводья были переброшены на руку -их лошади были хорошо тренированы для охоты и сами знали, чего от них ждет хозяин.

Как только охотники появились на вершине холма, бизоны их увидели. Некоторые из них паслись, другие отдыхали спокойно. Теперь они стали подниматься друг за другом и все в тревоге сбились в кучу. Три индейца с дубинками в руках по-прежнему ездил взад и вперед, наблюдая за охотниками, так как сейчас еще не пришло время для начала охоты. Когда же, наконец, охотники подъехали совсем близко к стаду, три индейца скомандовали, что можно начать охоту.

Охотники были все наготове и с нетерпением ждали команды. Они помчались на своих лошадях со стремительной быстротой и натянули тугие луки, стараясь вонзить стрелу в самое сердце бизона.

Бизоны бросились врассыпную, над стадом поднялось густое облако пыли. Охотникам нужно было быть очень осторожными, чтобы не попасть под копыта бизона, – воздух был настолько насыщен пылью, что невозможно было разглядеть что-нибудь в нескольких шагах от себя. Охотиться на бизонов в этих условиях было очень рискованным делом.

Индейцы убивали лишь столько бизонов, сколько нужно было, чтобы прокормить людей своего племени. Они никогда не охотились целыми днями и не убивали без нужды.

Когда охотники вернулись в лагерь с добычей, все встретили их с большой радостью. Женщины сразу начали варить бизонье мясо к обеду. В лагере стало шумно и весело.

Позже занялись заготовкой мяса к зиме: бывало, что зимой снегу выпадало так много, что в течение многих дней люди не могли выйти на охоту; но когда были запасы вяленого мяса, в этом не было беды.

НА ВОЕННОЙ ТРОПЕ

Вскоре после описанной охоты мы перенесли наш лагерь на берег реки Ниобрера. У нас все еще были запасы вяленого бизоньего мяса, но, так как погода стояла хорошая, один из индейцев отправился охотиться на оленя.

Охотник скоро вернулся и с тревогой сказал, что он увидел вдали дым и что олени убегают оттуда, видимо, на наших землях появились охотники чужого племени.

Вечером все вожди и храбрые собрались, чтобы обсудить, что делать. Нужно было узнать, откуда появился дым, кто развел костер на охотничьем участке племени сиу. Немедленно были посланы вперед три разведчика.

После этого был отдан приказ, чтобы никто в лагере не разжигал костров и нигде не было видно огня: необходимо было соблюдать полную тишину и оставаться возле своих лошадей.

В эту ночь почти никто не спал. Взрослые не отходили от лошадей, юноши несли караул и все время ходили вокруг лагеря.

На следующий день, около полудня, вернулись разведчики. Они сообщили, что видели на нашем охотничьем участке индейцев племени пауни; с этими индейцами мы уже давно враждовали, а поэтому в лагере поднялось большое волнение. Храбрые, не теряя времени, стали готовиться, чтобы выйти на военную тропу.

Мой отец привел свою лошадь и вместе с ней лошадку для меня. Он был уже совсем готов, чтобы выступить на военную тропу, и ему хотелось, чтобы я сопровождал его.

Вожди собрались на военный совет в большом типи. Один из них вышел и отвязал лошадей моего отца. Это означало, что они не хотели, чтобы мой отец шел воевать. Но отец был очень храбрым человеком, он сел на своего лучшего коня и один отправился на военную тропу.

Как только об этом узнали храбрые, они сейчас же вскочили на своих лошадей и помчались вслед за отцом, оставив наш поселок на попечение стариков.

НА ОХОТЕ С ДЕДУШКОЙ

Дедушка позвал меня и сказал, что воевать он не пойдет, но так как в нашем лагере нет свежего бизоньего мяса, то ему хотелось бы поехать на охоту за бизонами. Он оседлал двух коней, и мы отправились с ним вместе.

Мы отъехали на небольшое расстояние от лагеря, когда вдруг услышали громовой топот копыт. Взобравшись на вершину холма, мы увидели совсем недалеко целую сотню бизонов, мчавшихся в нашем направлении. Дедушка спрятал меня за холмом и сказал, чтобы я был очень осторожен, так как нет сомнения, что враждебные нам индейцы пауни испугали бизонов.

Земля гудела под копытами мчавшихся бизонов – казалось, что происходило землетрясение. И мысль о том, что за бизонами появятся пауни, была очень страшной, особенно для такого маленького мальчика, каким я тогда был. Я притаился и сидел совсем тихо, как советовал мне дедушка.

Бизоны продолжали мчаться вперед, и все громче и громче был их топот. Но, достигнув холма, они вдруг повернули в сторону и помчались в другом направлении. В этот момент

дедушка бросился в погоню за ними – он был обнажен до пояса, на ногах у него были мокасины.

Стук копыт становился все глуше и глуше, и, когда его почти не стало слышно, я взобрался на гребень холма и перегнулся, чтобы посмотреть, что делалось внизу, по ту сторону холма. И что бы вы думали? Там я увидел своего дедушку со связанными на затылке косами, он снимал шкуру с бизона, которого убил стрелой без всякого шума.

Я взял свою лошадь под уздцы и подошел к дедушке. Там я уселся рядышком и стал смотреть, как он работал. Время от времени я смотрел с тревогой вокруг, так как мы знали, что неприятель находится где-то недалеко. Скоро шкура была снята умелыми руками дедушки. После этого он принялся за разделку туши. Дедушка захватил с собой очень острые ножи и несколько тоненьких палочек, и то и другое ему теперь пригодилось.

Он отрезал небольшой кусок от внутренней стенки желудка, сполоснул его в крови бизона и протянул мне, чтобы я съел его сырым. Дедушка дал мне также кусочек кости от передней ноги бизона.

Я взял тоненькую палочку, вынул костный мозг и с удовольствием его съел вместе с кусочком желудка, которым меня угостил дедушка. Наше племя научилось есть сырое мясо бизона в силу необходимости: в военной обстановке нельзя было разжигать костры, а поэтому варить мясо было негде, ели его сырым. Так и укоренилась эта привычка, которая современным людям может показаться неприятной. Но нас учили, что сырое мясо полезно для здоровья, мы принимали это как должное и не задавали вопросов. Надо добавить, что в те дни никто из нас не знал, что такое страдать от малокровия.

Дедушка был очень занят, пока я закусывал. Он взвалил шкуру бизона на спину моей лошади мехом вниз, потом уложил на этой шкуре мясо и перевязал ремешками из бизоньей кожи. После этого дедушка поднял края шкуры и прикрыл ими всю поклажу.

Теперь дело было за мной. Я вскарабкался на свою лошадь и уселся поверх всей поклажи, которой было так много, что мои ноги торчали под прямым углом в обе стороны.

Мы с дедушкой добрались благополучно до нашего лагеря, и все очень обрадовались, что мы вернулись и привезли столько мяса.

Сейчас же разложили большой костер, подвесили над огнем на двух шестах целый бок бизона, который раскачивался взад и вперед. Пока жарилось мясо, женщины нарвали травы и расстелили ее возле костра, для того чтобы приятнее было сесть на землю. Соорудили также навес из веток и травы.

В тот вечер мы хорошо поужинали.

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Через несколько дней мы увидели еще издалека, что возвращаются участники военного похода.

Участники похода торжественно обошли кругом весь лагерь. Моего отца вели под руки двое юношей: он был тяжело ранен и пришел прямо в наше типи.

Все радовались и веселились по поводу удачного похода и возвращения близких. Я поспешил к своему отцу. Он сидел совсем тихо; видно страдая от ран, он прислонился к натянутой на шестах шкуре бизона.

Не осмелившись подойти к нему, я тихонько ушел, зная, что скоро придет знахарь и облегчит его страдания.

Не зная, что делать, мы с товарищами пошли поохотиться за птицами.

Вернувшись с птичьей ловли, я снова зашел в наше типи. Мой отец рассказывал старикам про сражение. Оказалось, что пауни передвинулись севернее своих охотничьих участков, так как там было больше дичи. Пауни знали, что это были места охоты сиу, а поэтому – из осторожности – спрятали своих жен, детей и лошадей в русле высохшего ручья.

Когда пауни заметили людей нашего племени, появившихся недалеко, они насторожились в ожидании столкновения. Мой отец проехал на лошади совсем близко от их лагеря, а потом вдруг повернул в противоположную сторону, не сомневаясь, что неприятель бросится за ним в погоню. У отца была быстроногая лошадь, так что догнать его было очень трудно; тем не менее отряд индейцев пауни поскакал вдогонку за отцом. Это дало возможность нашим людям окружить неприятеля и убить несколько человек из их отряда. Мой отец испробовал ту же тактику снова, но на этот раз его преследовали немногие – другие, видимо, были напуганы неудачей первого отряда.

Но наши индейцы все-таки решили воевать, чтобы прогнать пауни со своего охотничьего участка, и сами напали на неприятеля. Произошла битва. Сиу вышли победителями.

От отца мы узнали, что сиу захватили несколько человек неприятеля в плен и что они находятся в одной из типи на окраине поселка.

На следующий день несколько мальчиков, в том числе и я, захотели посмотреть пленных. Для того чтобы попасть к тому типи, где они находились, нужно было пересечь наш большой поселок поперек, иначе говоря – пройти целую милю. Но это нас, конечно, не могло остановить. Почти всю дорогу мы бежали и, наконец, задыхаясь, остановились около типи, где были пауни. Среди пленных был худенький стройный мальчик, и нам хотелось с ним поиграть, хотя бы только тронуть его. Для нас, мальчиков, это была первая возможность прикоснуться к врагу⁵.

И вот мы стали манить его знаками, чтобы он вышел из типи и показал бы нам, как быстро он умеет бегать. Так как мальчик был ранен, он не смог быстро пробежать, и мы были очень довольны, что нам удалось прикоснуться к нему.

Скоро вожди собрались на военный совет, на котором было решено отправить пленных домой. У нашего племени был обычай: тот, кто захватил пленных, должен дать им свою одежду и лошадь. Пленники обходились нам дорого.

Итак, все пленные нарядились в одежду сиу и стали подыматься верхом на лошадях по склону холма, сопровождаемые несколькими храбрыми нашего племени. Когда они отъехали на довольно большое расстояние, наши люди предоставили их самим себе и вернулись в свой лагерь.

Провожая взглядом удалявшихся пленных пауни, никто из нас не думал, что когда-нибудь придется встретиться с кем-нибудь из них. Но гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится. Во время моего пребывания в школе Карлайл в Пенсильвании к нам привезли нескольких детей племени пауни, и среди них был тот худенький, стройный мальчик, который был среди пленных. Мы сразу узнали друг друга.

После того как были отпущены пленники, начались приготовления к танцу победы. На этот праздник приглашались все воины, которые принимали участие в сражении, и каждый из них был одет так, как он был одет во время сражения. Те, которые были ранены, раскрашивали место ранения ярко-красным цветом. Если лошадь была ранена, она тоже принимала участие в танце, и место ее ранения было окрашено в цвет крови. Разведчики украшали свои волосы орлиными перьями со срезанными концами. Воины,

⁵ Прикоснуться к врагу тросточкой или взять его в плен у индейцев считалось большим подвигом на войне, чем убить врага. (Прим. перев.)

сразившие врага, втыкали орлиные перья в косы на затылке и носили их торчащими прямо вверх. Если индеец был ранен во время сражения, то на его пере проводилась красная полоска; с каждым новым ранением* прибавлялась новая красная полоска. Вожди и храбрые, которые по обычаю индейцев носили живописный головной убор из орлиных перьев, надевали его также во время танца.

Здесь все было по заслугам, и легко можно было определить, какова была военная роль каждого из участвовавших в танце.

На подготовку к танцу победы требовалось несколько дней. После окончания этой церемонии жизнь входила в нормальную колею.

КАК Я УБИЛ СВОЕГО ПЕРВОГО БИЗОНА

С каждым годом в наших краях бизонов становилось все меньше и меньше. Не удивительно, что все мы очень обрадовались, когда узнали от следопыта, что на севере Небраски бизоны все еще бродили стадами. Тайком от агента мы ушли из резервации ночью и стали пробираться на север.

Я не раз сопровождал своего отца и дедушку, когда они отправлялись охотиться на бизонов, но сам в этой охоте не участвовал. Только после того как бизон был убит, мы вместе пировали. На этот же раз мне разрешили охотиться вместе со взрослыми, и я твердо решил, что обязательно убью бизона, и мне хотелось это сделать без чьей-либо помощи. Отец смастерил для меня тугой лук и сделал несколько стрел со стальным острием, специально предназначенных для охоты на бизонов. Теперь я почувствовал себя настоящим охотником.

Вперед был послан разведчик. Мы ждали его возвращения с большим нетерпением. Он вернулся на заре и сказал, что стадо бизонов пасется недалеко от нашего лагеря. Все стали быстро собираться на охоту, и я не отставал от других. Правда, от меня не отходила мать и помогала мне. Провожая меня, она сказала:

– Сынок, когда ты убьешь бизона, привези мне его шкуру и печень.

Я не совсем понял, шутила ли она со мной или говорила серьезно, но все равно я гордился таким поручением.

Отец всегда разговаривал со мной, как со взрослым, и я уже в девять лет стал думать, что могу работать наравне со старшими.

Вечером накануне охоты отец поучал меня очень долго. Он говорил:

– Мой сын, следопыт сказал нам, что стадо бизонов пасется на широкой равнине, где нет ни гор, ни ущелий, – там можно будет устроить хорошую погоню за бизонами, не рискуя сорваться в пропасть. Что бы ты ни делал, следи все время за бизонами. Если бизон, за которым ты в погоне, бежит прямо перед тобой и не поворачивает головы в сторону, тогда ты сможешь подъехать очень близко к нему и у тебя будет хорошая возможность попасть прямо в сердце. Но если ты только заметишь, что он косится на тебя своим страшным глазом, тогда берегись! Бизоны очень стремительны и могучи! Бизон может поднять на рога твою лошадь и подбросить ее высоко в воздух вместе с тобой. Тогда тебе грозит неминуемая смерть.

Если прицелишься хорошо, то убьешь бизона одной стрелой; если же нет, придется истратить две, три стрелы или еще больше. Но, может быть, твоя лошадка не сможет догнать и поравняться с бизоном, тогда скорей пусти стрелу вдогонку и целься под малое ребро бизона – очень вероятно, что она попадет в сердце. Если же бизон будет спускаться

по склону холма или же по крутому берегу, у тебя будет еще одна возможность – стреляй в сустав бедра, тогда твой бизон припадет на задние ноги и ты сможешь не торопясь убить его.

Следи зорко за тем, что делается кругом. Вначале встревоженное стадо бизонов подымет страшную пыль, и трудно будет что-нибудь разглядеть. Но потом, преследуя бизона, отделившегося от стада, ты снова попадешь на чистый воздух, и тебе будет видно, куда ты скачешь.

Я очень волновался в ожидании своей первой охоты на бизонов.

На рассвете следующего дня все были готовы к отправлению. Я держал свой лук в руке, потому что для него не хватило места в колчане, куда я воткнул все свои стрелы. Подо мной была маленькая черная кобылка, быстрая, как лань.

Два индейца на прекрасных лошадях тронулись с места первыми. Они все время скакали впереди всех и отвечали за порядок во время охоты. Никто не посмел бы опередить их из-за опасения раньше времени встревожить бизонов, что испортило бы охоту.

Два индейца, скакавшие впереди, поднялись на вершину холма и стали следить оттуда за стадом бизонов: они должны были решить, с какой стороны лучше приблизиться к бизонам, чтобы начать охоту. У охотников нашего племени установился обычай подъезжать к бизонам как можно ближе – известно, что мясо измученных длительной погоней животных становится жестким и невкусным.

После того как разведчики выбрали наиболее подходящее место для начала охоты, они отдали распоряжение индейцам пересечь на быстроногих мустангов. Индейцы стреножили своих усталых лошадей и, оставив их под присмотром старого индейца, быстро вскочили на мустангов. Мне не пришлось пересаживаться, так как маленькая черная кобылка была моей единственной лошастью. Я заметил, как некоторые из индейцев подвязывали свои косы на затылке, другие закатывали рукава своих рубашек. Колчаны со стрелами теперь висели у них не за спиной, как раньше, а сбоку у пояса. Головного убора с орлиными перьями ни у кого не было видно.

Когда два индейца отдали команду, все охотники сейчас же тронулись с места. Я скакал на своей маленькой черной кобылке в первых рядах. Мне очень хотелось совершить подвиг, и я очень надеялся на помощь своего быстроногого пони.

На вершине холма охотники отпустили поводья и помчались с быстротой ветра. Я подгонял хлыстом свою черную кобылку и не отставал от других. Скоро я очутился в такой пыли, что совсем ничего не видел впереди себя и только слышал топот копыт мчавшихся во весь опор бизонов.

Моя бедная маленькая лошадка в испуге металась из стороны в сторону, и я должен был крепко держаться, чтобы не очутиться на земле, под ее копытами. Я даже не пытался достать стрелы из колчана – не до того было; я понимал, что если моя кобылка споткнется и упадет, то это будет мой конец: я погибну под огромными копытами бизона. И я почувствовал себя беспомощным в этой слепящей, удушающей пыли, среди всего этого смятения, окруженный со всех сторон огромными животными. Грохот их копыт приводил меня в ужас. Мой пони мчался с быстротой ветра, а я прильнул к нему, крепко ухватившись за гриву...

Наконец мы выбрались из пыли. Я уже опередил бизонов на довольно большое расстояние. Но вдруг они заметили меня и разбежались в разные стороны. Каким слабым и маленьким чувствовал я себя, когда смотрел с испугом на этих огромных страшных животных и думал, что должен убить одного из них! Но тут же я вспомнил просьбу матери привезти ей с охоты шкуру и печень бизона, и сердце мое наполнилось гордостью: я сразу почувствовал себя взрослым и сильным. Повернув своего пони, я помчался

вдогонку за теми бизонами, которые бежали в северном направлении – там теперь не было пыли и хорошо было видно вдаль.

Я был совсем один, нигде не было видно ни одного индейца-охотника, но все равно я продолжал мчаться на север за теми бизонами, которых я начал преследовать.

Проехав некоторое расстояние, я вынул стрелу из колчана, натянул лук и выстрелил в самую гущу стада.

Куда моя стрела попала, я не знал.

«Стоит ли охотиться дальше? – задумался я. – Удастся ли мне убить бизона?»

Сомнения все больше закрадывались мне в душу. Я уже собирался бросить охоту, когда вдруг заметил, что один молодой бизон бежал медленнее других...

Сердце забилось у меня сильнее, я ударил хлыстом своего пони и помчался за отставшим бизоном. Он бежал все медленнее и медленнее, очень быстро теряя скорость. Этот бизон был меньше других и не казался мне таким страшным. Я решил во что бы то ни стало убить его, если бы даже и пришлось истратить все стрелы из моего колчана.

Я вспомнил все наставления отца. Поравнявшись со своей жертвой, я вытащил стрелу из колчана и, балансируя на лошади, сжимая коленями ее бока, натянул изо всей силы лук и выпустил стрелу. Я думал, что хорошо прицелился и сразу же убью своего бизона. Но стрела попала в шею, бизон только встряхнул головой и побежал дальше.

Я снова поравнялся с ним и выпустил другую стрелу. Она попала совсем близко от сердца. Но мне не удалось и теперь убить раненого бизона – не забывайте, что я был еще маленьким мальчиком и не мог с достаточной силой натянуть лук... Но все-таки я заметил, что бизон стал бежать гораздо медленнее, чем раньше. Тогда я выстрелил еще раз. Стрела попала, как мне показалось, в сердце. Но прошло несколько минут, и как будто ничего нового не произошло. Я уже начал думать, что бизоны так же живучи, как кошки. Но вдруг кровь хлынула из носа раненого животного. Тогда я уже знал, что бизону осталось недолго жить. И все-таки я выпустил четвертую стрелу. Бизон пошатнулся и свалился на бок.

Когда я стал осматривать убитое животное, то обнаружил, что вонзил в него пять стрел. Это мне показалось слишком много. Я вспомнил рассказ моего отца о том, как он убил одной стрелой двух бизонов. Вот как это произошло. Когда отец выстрелил в первого бизона, стрела глубоко пронзила сердце животного. Отец знал, что такая рана смертельна. Недолго думая, он подъехал на лошади к раненому бизону и вытащил стрелу. Эту же стрелу он пустил во второго бизона и тоже уложил его насмерть.

Мне вдруг стало как-то стыдно. «Эх, что я за охотник?» – с досадой подумал я про себя. Сравнение с отцом было слишком невыгодным для меня.

Я подумал: «Не повытаскивать ли лишние стрелы и не оставить ли только одну?» Но тут же вспомнил наставления отца.

«Сын мой, – не раз говорил он мне, – запомни на всю жизнь, что человек, который лжет, отталкивает от себя людей».

И я рассказал всю правду, все, как было, и на сердце сразу стало легко.

Прежде чем снимать шкуру, я знал, что нужно вынуть стрелы. Все у меня шло хорошо до тех пор, пока не нужно было перевернуть тушу. Это было мне не под силу. Но так как мне все же удалось снять шкуру с одной стороны, то я решил теперь вырезать печень для подарка моей матери, а также отрезать кусок мяса.

Как раз в эту минуту я услышал, что меня кто-то зовет. Я вскочил на свою кобылку и взобрался на вершину холма. К своей огромной радости, я увидел внизу отца. Это он звал меня.

Знаками я дал ему понять, чтобы он ехал ко мне, что я очень занят. После этого я вернулся к своему делу.

Через несколько минут отец уже был возле меня. Я с гордостью показал ему на своего бизона, с которого наполовину была снята шкура.

Отец был в очень хорошем настроении – наверное, он был доволен, что я с таким усердием снимал шкуру и старался стать хорошим охотником. Я ему скоро признался, сколько мне потребовалось стрел, чтобы убить моего первого бизона, и куда каждая из них попала. Я не скрыл от него и того, что мою первую стрелу я выстрелил просто в стадо бизонов, не имея представления, куда она попадет. Отец от души смеялся, но я хорошо видел, как он гордился мною, мне кажется, потому, что я ему сказал всю правду и не стал обманывать.

Отец принялся за работу вместе со мной. Скоро вся шкура была снята с бизона, а туша разрезана на куски. Оказывается, отец уже собирался ехать домой, когда заметил, что меня нет. Он подумал, что я с дедушкой, а дедушка, наверное, подумал, что я с отцом. И никто не знал, что все это время я был совсем один и как мне трудно было в первый раз в жизни охотиться на бизонов.

Когда мы вернулись домой, я отдал матери шкуру со своего бизона и печень, – мне было очень приятно, что я смог исполнить ее просьбу. Стоит ли говорить, как она была рада, что я с честью выполнил ее поручение!

Отец позвал старика, который всегда исполнял обязанности глашатая, и сказал ему, чтобы он известил всех, что Ота Кте – Меткий Стрелок – убил своего первого бизона и что в ознаменование этого события отец отдает в подарок бедным свою лошадь.

Это был мой первый и последний бизон. Вскоре после этого в нашей жизни произошли большие перемены. Об этом я расскажу дальше.

ПРИШЛА БЕДА

Индейцы в нашем лагере очень много трудились – они были похожи на птиц, которые озабоченно летают туда и сюда, собирая корм или строя гнездо. Когда мужчины отправлялись на охоту, женщины оставались дома-занимались рукоделием, шили одежды и мокасины. У них не было дурной привычки сплетничать, все свое свободное время они проводили в народных спортивных играх⁶.

Обычно, когда запасы пищи в лагере были на исходе, мы перекочевывали на другое место, чтобы там поохотиться. Осенью 1877 года мы отправились на самый юг Небраски. Наши разведчики поехали вперед, чтобы найти место, где паслись бизоны. Они скоро вернулись с тревожным известием, что по всей равнине валяются подстреленные туши бизонов. Это было делом рук бледнолицых, это они перестреляли столько бизонов! Индейцы никогда не позволили бы себе такого хищнического, бездушного уничтожения диких животных. Индейцы убивали лишь столько, сколько им нужно было для поддержания своей жизни.

Мы продолжали двигаться вперед, не сомневаясь, что скоро нам попадутся, как всегда бывало раньше, большие стада бизонов.

⁶ метание дротиков, игра в мяч и др.

Но мы ошиблись. Я видел сотни валяющихся трупов бизонов, и запах, который они распространяли, был ужасный.

Скоро мы увидели людей с бледной кожей. Они жили в пещерах, словно медведи. Эти люди были очень грязные. Их лица, головы, руки-все заросло волосами⁷. Многие из нас увидели тогда впервые бледнолицых колонизаторов Америки, они произвели на нас ужасное, отталкивающее впечатление.

Перед пещерами громоздилось бесчисленное количество тюков со шкурами бизонов, тюки были перевязаны веревками и готовы к отправке.

Жестокие люди отняли у нас самый источник существования. Перебив бизонов, они лишили индейцев пищи, одежды, жилища.

Туши бизонов валялись всюду, по всей равнине; с них были содраны шкуры. Злые охотники рассчитывали нажить большие деньги, торгуя мягкими шкурами. И какое им дело до того, что они обрекли тысячи индейцев на голод и холод? Нам казалось, что это, наверное, не люди, а дьяволы, потому что у них не было совести и они не знали, что такое сострадание.

Мы разбили лагерь недалеко от пещер. Я хорошо помню, как матери уговаривали нас, детей, скорее ложиться спать, иначе волосатые люди заберут нас. И нам становилось очень страшно. Мы знали, что они носили с собой длинные палки, которые издавали страшный грохот. Этими палками они перебили бизонов. Мы переставали шалить и тихонько ложились спать на большие мягкие шкуры. Нам снились страшные сны.

С тех пор мы все возненавидели бледнолицых.

Вскоре делегация индейцев из нашей резервации отправилась в Вашингтон, чтобы повидать президента. Все делегаты были в национальной индейской одежде и умели говорить только на родном языке. Мой отец был одним из членов делегации. С ними поехал человек, который должен был исполнять обязанности переводчика, хотя его знания английского языка мало чем отличались от знаний тех, кто совсем не говорил и не понимал по-английски.

В Вашингтоне представителей наших индейцев принял президент Соединенных Штатов. На ломаном английском языке переводчик рассказал о страшном бедствии, которое постигло индейцев:

бледнолицые охотники уничтожили бизонов, индейцы теперь обречены на голодную, холодную смерть – ведь мясо бизонов было их единственной пищей, из шкур бизонов они шили одежду и обувь, шкурами прикрывали каркас своего жилища – типи.

Президент выслушал наших индейцев и обещал свою помощь.

После окончания переговоров индейских гостей спросили, какие подарки они хотели бы получить. Большинство из них попросили ружья и пули.

Пока индейцы были в Вашингтоне, с ними обращались очень вежливо и многое обещали. Однако эти обещания никогда не были выполнены; они были нарушены, как буквально каждое обещание, которое бледнолицые давали индейцам.

⁷ Среди колонизаторов Америки было много всяких искателей приключений, а также преступников, выпущенных из английских тюрем и высланных в Америку на свободное поселение. (Прим. перев.)

ПЯТНИСТЫЕ БИЗОНЫ

С тех пор как пришлые охотники варварски уничтожили бизонов на наших охотничьих участках, мы жестоко голодали.

Случайно я услышал, как несколько индейцев, беседуя друг с другом, сказали, что нужно отправиться в агентство⁸, чтобы получить «пятнистых бизонов» – так называли индейцы американских коров, потому что на языке сиу не было соответствующего слова, индейцы знали только диких бизонов. Нам, мальчикам, очень захотелось посмотреть на этих неизвестных еще нам животных, и мы решили поехать в агентство вместе со взрослыми индейцами.

Какое страшное зловоние вдруг донеслось до нас! Нужно было зажимать носы, иначе становилось дурно. Я спросил отца, в чем дело, почему здесь невозможно дышать. Отец ответил, что это отвратительное зловоние распространяется от пятнистых бизонов. Тогда я спросил его:

– Неужели же нас заставят есть их мясо?

– Бледнолицые питаются им, – ответил мне отец. – Вот они и прислали нам этих животных вместо бизонов, которых они перебили.

Скоро мы встретили нескольких бледнолицых, и все они были лысыми. Я призадумался: «Не оттого ли они лысые, что питаются мясом таких зловонных животных?» Тут же я вспомнил, что у орла-стервятника тоже лысая голова и что он питается падалью.

Когда наши индейцы получили рогатый скот, они тут же перестреляли всех коров и волов, потому что не хотели приводить в лагерь таких зловонных животных. Все, что они взяли себе, – это шкуры, которые обменивали на коленкор и краски. Только немногие вырезали наиболее лакомые куски мяса и обжарили на костре.

Мы долго не могли привыкнуть к мясу этих тощих, измученных животных. Мы голодали без мяса бизонов, и нам так нужны были их шкуры!

ПАЕК

Мне шел уже десятый год, и я начал немного понимать то, что делалось вокруг меня. Я узнал, что колонизаторы не только перебили бизонов, но отняли у нас много земли и что правительство Соединенных Штатов, опасаясь мести, заключило с нашим племенем договор, согласно которому оно взяло на себя обязательство оказывать помощь сиу как продуктами, так и необходимыми вещами.

С горечью вспоминаю я о том, с какой небрежностью исполнялись эти обязательства, если они вообще исполнялись, – допускались такие нелепости, что сплошь и рядом эта помощь сводилась к нулю.

Так, например, нам присылали стофунтовые мешки с мукой. Мы никогда не ели хлеба и никогда не видели муки, совсем не знали, как с ней обращаться и что из нее можно приготовить. Никому в голову не пришло послать к нам людей, которые бы научили наших женщин печь хлеб и стряпать.

⁸ Агентствами назывались американские конторы, управляющие индейскими резервациями и расположенные на территории или вблизи резервации. Управление осуществлялось агентами - представителями американского правительства, непосредственно подчиненными центральному управлению по делам индейцев.

Обычно за пайком верхом на маленькой лошадке приезжала женщина. Получив этот огромный куль муки и не зная, что с ним делать, она, бывало, отъезжала немного в сторону и высыпала муку с высокого берега вниз. Зато мешок с клеймом, изображающим индейца с повязкой из орлиных перьев, везла домой, чтобы сшить детям рубашки, – не раз видел я мальчиков в этом наряде.

В паек входил также и табак. Но табак, который нам присылали, был такой крепкий, что индейцы не могли его курить. На каждое типи полагалось по кипе табака независимо от того, жила ли там большая семья, или же одинокая старушка. Бывало, когда лагерь снимался с места, мы, мальчики, бродили кругом и высматривали, не попадет ли нам что-нибудь интересное. Не раз спотыкались мы о какие-то бесформенные кучи, попадавшие на нашем пути то здесь, то там, – при ближайшем рассмотрении это оказывались разбухшие на дожде кипы табака.

Мы получали зеленый кофе в зернах. Никто из индейцев не знал, что зерна надо было поджарить и размолоть, прежде чем употреблять в пищу. Не так скоро догадались об этом наши женщины. Кофейных мельниц у нас, конечно, не было; приходилось не молоть, а толочь кофе примитивным способом: мешочек из оленьей кожи наполняли кофейными зернами и дробили их на камне каменным молотком.

На нашем языке не было соответствующего слова для кофе, но так как он был такой черный и горький, то мы скоро стали называть его пезута сапа, или черное лекарство. Это название так и укоренилось в языке сиу и употребляется до сих пор.

Никогда не забуду, как моя заботливая мать подсыпала перцу в мою чашку с кофе, чтобы сделать его повкусней, и я выпивал все, хотя это и стоило мне невероятных усилий. Я даже старался не поморщиться, чтобы не огорчить свою мать. Уже давно она жила отдельно от нас – она разошлась с отцом, и с нами жила теперь мачеха. Я очень любил свою родную мать и часто бегал к ней, а она скучала без меня и никогда не упускала случая, чтобы побаловать меня чем могла.

Как-то раз мой отец принес маленький бочоночек сиропа. Мачеха угостила нас, детей, этим сиропом из ложки, сделанной из козьего рога. Я сначала попробовал кончиком языка, не зная, понравится мне это угощение или нет. Сироп оказался таким сладким и вкусным, что мне захотелось продлить удовольствие, и я решил лакомиться им понемногу. Однако выдержки у меня хватило ненадолго: я облизал ложку и попросил еще.

После этого каждый раз, когда отец брал с собой мех и отправлялся к торговцу, мы с нетерпением ждали, что он принесет еще один бочонок со сладким соком.

Первый сахар, который нам пришлось попробовать, был кленовый сахар. Старики стали расспрашивать, откуда он берется и как готовится. Когда им объяснили, что он делается из кленового сока, они назвали его лесным соком. Когда мы стали получать белый тростниковый сахар, то потребовалось другое определение, и мы стали его называть кан-ханпи, или белый лесной сок, тогда как кленовый сахар был известен как кан-ханпи зизи, или желтый лесной сок.

Мы получали все больше и больше сладостей, и нам нравился вкус разных лакомств, однако этого рода пища не была нам полезна. Нам привозили яблоки, сливы, печенье, сладкие пироги, и рекой лились сладкие речи, но от этого нам не было легче. Как только бледнолицые видели, что мы начинали им уступать, они резко меняли свою политику и начинали вымогать у нас землю. Стоило нам только начать защищаться, как они называли нас дикарями и другими грубыми словами, которые на страницах печати некрасиво выглядят.

ОГНЕННАЯ ВОДА

Потом появились миссионеры в длинных черных юбках. Они выглядели совсем как женщины, но на самом деле это были мужчины. Миссионеры уговаривали нас не сражаться. Вместе с ними пришли и неизменные спутники-торговцы вином, которые стали продавать виски, чтобы лишить нас рассудка. Когда индейцы пили это зелье, им мерещились разные видения и снились кошмары.

Бледнолицые называли этот яд разными именами, но у индейцев было только два названия: святая вода и огненная вода. Наши индейцы быстро обнаружили, что священники давали вино во время богослужения, и стали называть его миниу-окен, или святая вода. Это название укоренилось в языке сиу и сохранилось до сегодняшнего дня. Люди, которые торговали спиртными напитками, были неизменными спутниками священнослужителей всех вероисповеданий.

Некоторые индейские племена употребляли для виски название огненная вода, в язык же нашего времени оно не вошло. Я же лично считаю его очень метким определением.

Впервые я заметил форт в резервации при агентстве Красного Облака. Когда я приехал в резервацию Крапчатого Хвоста, то там тоже уже возвышался форт. Некоторое время спустя, когда я начал учиться в школе и научился читать и писать, мне стало неприятно, что такое положение существует. Я прочел договор, заключенный между правительством САСШ и племенем сиу в 1868 году – в год моего рождения. Из этого договора я узнал, что правительство Соединенных Штатов не имеет права строить форты на территории индейских резерваций. Тем не менее, как только появлялся у нас бледнолицый агент, первое, что он считал для себя необходимым, – это соорудить форт, – видимо, для охраны своего агентства от индейцев.

Если они думают, что индейцы такие дикие, что без фортов нельзя обойтись, то, мне кажется, было бы целесообразным, если бы правительство Соединенных Штатов начало срочно строить форты по всей стране, так как за последнее время люди с бледной кожей ведут себя гораздо хуже дикарей.

С ОТЦОМ НА ВОЕННОЙ ТРОПЕ

Наши индейцы уже давно спорили с соседним племенем Понка из-за охотничьих участков. Однажды, когда сиу вышли на военную тропу, мой отец сказал:

«Мой сын, мне хочется, чтобы ты вышел вместе со мной на военную тропу и совершил подвиг. Я дарю тебе свой головной убор из орлиных перьев.

Носи его, я переделал его так, чтобы он пришелся на твою голову.

Мне хочется, сын мой, чтобы ты поскакал в лагерь врага. В руках у тебя не должно быть никакого оружия – ты будешь держать только длинную тросточку. Я тебя провожу к самому лагерю неприятеля. И когда на рассвете кто-нибудь выйдет из своего типи, догони его и коснись своей палочкой, а потом – стремглав через весь лагерь в обратный путь. Я буду ждать тебя поблизости. И если тебе удастся вырваться, не получив ни одного ранения, ты будешь самым юным воином, который когда-либо совершил такой подвиг. И я буду гордиться тобой, мой сын.

Но если неприятель будет пытаться застрелить тебя, как обычно бывает на войне, или же, быть может, он ранит тебя и ты попадешь в его руки, сохрани свое мужество и не падай духом: мне хочется, чтобы ты смело глядел в глаза смерти. Я буду с тобой, сын мой».

Эти слова заставили мое сердце биться так сильно, что я мог слышать его биение, и слезы готовы были хлынуть из глаз. Тогда же я дал себе слово во что бы то ни стало исполнить волю моего отца, потому что я очень любил его.

Один раз, когда наши индейцы сделали привал и расположились лагерем на опушке леса, мы с отцом отправились в лес поохотиться. Отцу удалось подстрелить антилопу; он взвалил ее на лошадь и повез в лагерь.

Прошло немного времени, и все собрались доужинать, и отец был рад, что ему попалась такая хорошая добыча, что смог накормить людей.

ТРУБКА МИРА

Не успели мы поужинать, как до нашего слуха донеслись какие-то возбужденные, взволнованные звуки. Мы вскочили скорей на лошадей и поскакали посмотреть, что там произошло.

Старый вождь племени понка пытался догнать нас в течение последних четырех дней. Он привез с собой трубку мира. Это означало, что мы должны повернуть и отправиться в обратный путь. В то время индейцы верили, что, если они не примут мирных предложений неприятеля, откажутся от трубки мира, какое-то страшное несчастье постигнет их. И так как мой отец хорошо знал и соблюдал все индейские обычаи и крепко верил в трубку мира, он сейчас же повернул свою лошадь, и мы отправились домой.

Было очень досадно возвращаться домой, ни разу не повстречавшись с врагом и не испытав, что такое опасность на войне, но отец объяснил все тихим внушительным голосом, и я не мог ослушаться его. Мне было девять лет, когда все это произошло.

ОХОТА НА ДИКИХ ЛОШАДЕЙ

Вскоре после того как мы вернулись из военного похода, разнесся слух, что невдалеке появились дикие лошади – мустанги.

Старик-индеец обошел весь лагерь, извещая, что сейчас все отправляются на охоту за дикими лошадьми и что надо подождать друг друга. Несколько человек, в том числе и мой отец, отправились к ближнему ручью и вернулись оттуда с длинными ивовыми прутьями. Прут, который я увидел в руках моего отца, был около пятнадцати футов длиной.

После того как с ивовых прутьев содрана кора, их выпрямляют и сушат на солнце. Пока мой отец подготавливал прутья, дедушка достал веревку, свитую из тонких ремней, достал также ремни и ремешки, то нарезанные из оленьей кожи, то из шкуры бизона; некоторые из них были длинные, другие короткие, одни тяжелые по своему весу, другие легкие.

Мой отец выбрал ремешок из оленьей кожи и привязал его к концу прута. Потом он привязал к пруту на четыре фута ниже другой такой же ремешок. После этого он взял веревку и сделал на конце большую петлю. С двух сторон он подхватил петлю ремешками, прикрепленными к пруту. Так получилось приспособление для ловли мустангов, известное под названием укрюк.

Все были уже наготове, но я следил только за своим отцом. Когда я спросил его, можно ли мне отправиться вместе со всеми на охоту, он ответил:

«Ну, конечно, я хочу, чтобы ты был с нами. Присматривайся ко всему во время охоты и учись. Настанет день, когда и ты сам станешь охотником на мустангов. Только сначала надо тебе будет подрасти».

Весь лагерь пришел в движение; выехали на охоту и женщины. Всадники с укрюками в руках мчались на быстроногих скакунах. Все были одеты так же, как и во время охоты на бизонов. Ни у кого не было головного убора из орлиных перьев. Индейцы украшают себя орлиными перьями только в торжественных случаях или во время войны.

Два молодых индейца поскакали вперед на разведку. Скоро они вернулись и объяснили, как будет происходить охота. Некоторых из охотников они направили на запад, за две или три мили от того места, где паслись мустанги; другие должны были скакать в северном направлении, третьи – в южном. Все всадники, у которых были укрюки в руках, оставались на восточной стороне. Таким образом стадо мустангов было окружено со всех сторон.

Я скакал на своей маленькой черной кобылке и вместе с отцом придерживался восточной стороны. Ни одно движение отца не ускользнуло от меня. Я заметил, что время от времени он подгонял хлыстом свою лошадь, и каждый раз, когда он это делал, я подгонял и свою черную кобылку.

Скоро мы прискакали на место, откуда видно было, как пасутся мустанги. Их было сорок или пятьдесят голов, и все они щипали траву. Среди них была дикая лошадь, которая время от времени высоко поднимала голову и смотрела вокруг. Вид у нее был очень гордый. Отец сказал мне, глядя на нее:

– Видишь ли ты эту лошадь с высоко поднятой головой? Это жеребец, вожак табуна.

Мы все оставались за холмами. Только один спешившийся индеец был на страже.

Наконец прискакали охотники, которые отправились на запад, и стали переваливать через холм. Как только их заметили мустанги, они помчались на север. Дикая лошадь продвигалась с большой быстротой по склону холма, как вдруг перед ними появились другие охотники – те, которые держались северного направления. Мустанги остановились в испуге, но через минуту они уже мчались в противоположном направлении – к югу. И здесь их преследовали охотники. Дикая лошадь бросилась на восток и наскочила на нас.

Мустанги уже покрыли довольно большое расстояние, и охотники не сомневались в том, что мустанги выбились из сил. Всадники нашей группы едва сдерживали своих лошадей.

Вот, наконец, они ринулись в погоню за мустангами. В руках у них были длинные прутья укрюков. Я скакал на своей маленькой черной кобылке позади отца.

Когда мы поднялись на вершину холма и стали спускаться по противоположному его склону, я заметил, что отец преследовал очень красивого гнедого мустанга. Несмотря на усталость, мустанг бежал очень быстро. Вот мы поднялись на второй холм и стали спускаться по противоположной стороне. Отец в это время уже почти догнал мустанга. Он держал наготове свой укрюк и налаживал петлю из веревки, пока мы спускались. Я не обращал внимания на то, что делали другие всадники, мне только хотелось видеть, что делал мой отец, потому что в моих глазах он был совершенством. Итак, я подгонял хлыстом свою черную кобылку, чтобы быть как можно ближе к отцу и не пропустить ничего из того, что он делал.

Когда мы достигли подножия холма, отец поднял укрюк и опустил его над головой мустанга. Через секунду петля уже скользила по шее дикой лошади. Теперь отец дернул прут изо всей силы и оторвал его от ремешков, которые придерживали расправленную петлю, – укрюк сделал свое дело, прут можно было выбросить, мустанг был на аркане.

Измученное долгой погоней животное не могло уже быстро бежать. Отец взял в руки конец аркана, в петле которого был пойман мустанг, и перебросил этот конец через шею своей лошади, у самых ее плеч; не теряя времени, он поскакал на ней в противоположную от пойманного животного сторону. Аркан натянулся. Петля затягивалась все туже и туже и стала душить мустанга. Вот он остановился, тяжело дыша и храпя, зашатался из стороны в сторону и упал.

Отец быстро соскочил со своей лошади, сделал недоуздок из длинной веревки и надел его на морду мустанга. Потом он подошел к своей лошади, подвязал ей хвост тем же арканом и заставил ее пятиться назад, пока она почти коснулась хвостом морды мустанга. После этого он перебросил конец веревки от недоуздка через плечи своей лошади и подвел веревку снова к хвосту; таким образом, получилось, что вся сила натяжения ложилась на плечи верховой лошади отца.

Когда мустанг, очнувшись, вскочил на ноги и натянул лассо, он почувствовал, что веревка уже не душит его за горло, но что она сжимает ему морду; он почувствовал также, что привязан к другой лошади.

Лошадь отца вела за собой на привязи дикую лошадь, выдерживая всю силу ее сопротивления на своих плечах.

По дороге домой я все время старался понять, как это отец так хитро придумал, что заставил дикую лошадь следовать за своей. Как только мы прибыли в лагерь, к нам на помощь подоспели еще два индейца. Они помогли отцу уложить мустанга на землю. Это нужно было сделать очень быстро, пока животное не восстановило свои силы. После этого они взяли толстый ремень (отрезанный от шкуры бизона), на одной стороне которого оставался мех. Этим ремнем отец с индейцами стреножили мустанга.

Когда мустанг поднялся на ноги и попробовал лягаться, это ему не удалось. Скоро мы, мальчики, подошли к нему и начали гладить – нам нечего было бояться, так как ноги его были связаны. Потом двое из нас взобрались к нему на спину и снова гладили. Прошло немного времени, и мустанг больше не сопротивлялся и не пробовал лягаться.

На следующий день ему освободили ноги. Молодой индеец вскочил на спину мустанга и проскакал верхом на нем, привязав его предварительно к другой лошади, вокруг всего лагеря. Так был укрощен мустанг; он перестал пугаться и спокойно бежал рысью или галопом рядом с другой лошадей. Прошло еще два-три дня, и наш мустанг стал хорошей домашней лошадей.

Несмотря на то, что мне не пришлось самому ловить диких лошадей и приручать их, я все же был очень доволен, что узнал, как это делали наши индейцы, – желание моего отца было, чтобы я знакомился со всеми обычаями нашего народа и старался как можно больше узнать, пока я был мальчиком.

ТАЧУНКА ВИТКО – БЕШЕННЫЙ КОНЬ

Индейцы нашего племени решили навестить северных сиу. Мой отец и несколько других вождей отправились вместе с ними. Когда отец вернулся домой, он сказал, что в битве у Литл-Биг-Хорн убит бледнолицый Длинные Волосы. Это прозвище индейцы дали американскому генералу Кастеру.

Я попросил отца, чтобы он мне рассказал, как все случилось. Вот что я услышал от него:

– Я был на совете вождей, когда вбежали несколько индейцев с тревожным известием, что приближаются солдаты.

Мы выбежали. Солдаты уже обстреливали поселок. Индейцы рвались в бой, чтобы отомстить за невинную жертву: бледнолицые солдаты убили нашего мальчика.

Но Тачунка Витко, один из самых храбрых вождей нашего племени, сказал:

«Нет, подождите, пока я сам съезжу и посмотрю, что там происходит».

Он сел на своего коня и поскакал перед шеренгой бледнолицых солдат с одного конца на другой. Сейчас же была отдана команда:

«Стреляй!»

Солдаты стали стрелять, целясь прямо в индийского вождя. Но ни одна пуля не попала в Бешенного Коня, он вернулся целым и невредимым и сказал нашим людям, что теперь можно идти в бой.

Индейцев сиу не пришлось уговаривать, они ринулись вперед на своих лошадях.

Вооруженные дубинками сиу выбили из седел солдат, всех до одного, и захватили их лошадей. Только один человек из бледнолицых остался жив. У него была прекрасная быстроногая лошадь, и ему удалось ускакать далеко вперед. Несколько наших вождей бросились вдогонку за ним. Но индейские пони не могли состязаться в беге с быстроногим конем бледнолицего...

Мы уже решили возвращаться, когда вдруг увидели, что человек, которого мы преследовали, достал из-за пояса пистолет и приставил его к виску. Раздался выстрел. Лошадь без седока нетрудно – было догнать. Она досталась одному из наших индейцев.

Это все, что рассказал мне отец про смерть американского генерала Кастера.

Генерал Кастер покончил жизнь самоубийством, потому что он боялся мести индейцев за свое жестокое обращение с ними; он всегда силой отнимал землю у индейцев и вызывал раздражение против себя.

В 1877 году я стал замечать, что многие индейцы переселяются с севера в резервацию при агентстве Крапчатого Хвоста, где мы жили. Кто были эти люди и откуда они пришли, я не знал. Только мне казалось, что они были очень бедные. Их типи были очень маленькие и одежда бедна. Мы, мальчики, побежали посмотреть, как они разбивают свой лагерь.

На следующий день отец пригласил одного из этих индейцев в наше типи. У гостя была очень темная кожа и мягкие каштанового цвета волосы, совсем не похожие на черные грубые волосы, которые обычно бывают у наших индейцев. Он был небольшого роста, легкого сложения. У него не было с собой никакого оружия, одет он был бедно и вел себя очень скромно. Казалось, не было ничего, что привлекло бы внимание к этому человеку. Говорил он немного, и то, что он сказал – всего лишь несколько слов моему отцу, – он произнес очень спокойно. Наверное, это были очень важные слова. Я бегал взад и вперед – из типи и обратно – и не слышал, что сказал этот человек. Но мне очень хотелось знать, кто он был.

Мачеха заметила, что я следил с таким любопытством за нашим гостем, и догадалась, что мне хочется узнать, кто он такой. Она отозвала меня в сторону и сказала:

– Сын, этот человек – мой двоюродный брат, его зовут Тачунка Витко, или Бешенный Конь.

Неистовая Лошадь пробыл недолго в нашем типи. После обеда он сел на лошадь и вернулся в свой лагерь, который был расположен на расстоянии двух миль от нас, а мы жили тогда на берегу Бобрового Ручья.

После того как гость уехал, отец начал шептаться о чем-то с мачехой. Он сказал ей:

– Смотри же, чтобы во время моего отсутствия твои двоюродные братья не отходили далеко от наших лошадей. Хорошо бы устроить кораль около типи; туда они смогут загнать всех лошадей. Ночью будьте настороже.

Это все, что я услышал, но мне стало как-то не по себе, как будто что-то непредвиденное, страшное должно было случиться.

На следующее утро два моих дяди и бабушка стали обносить участок, предназначенный для коралья, изгородью, сплетенной из ивовых веток. Вечером я видел, как отец загонял наших лошадей внутрь этого коралья. Все наши соседи привязывали своих лошадей около типи. Рано утром на следующий день прибежали несколько индейцев в наш лагерь с известием, что в агентстве Красного Облака около форта Робинзон солдаты убили индейского вождя Тачунку Витко – Бешенного Коня. Все мы были очень взволнованы этим печальным событием. Индейцы выбежали из типи и оседлали своих пони, приготовили также вьючных лошадей. Женщины завязывали в узлы все вещи, которые хотели сохранить; некоторые даже стали снимать шкуры бизона со своих типи.

Отец еще не вернулся, а мы уже были готовы бежать всем лагерем. Но куда бежать? Ведь мы были как овцы на бойне: не знали, куда уйти, чтобы избежать пуль солдат.

Вдруг я услышал, как один индеец сказал:

– Погодите, пока вернется ваш вождь Мато Нажин – Отважный Медведь. Это правда, что убит вождь Бешенный Конь и скоро должны привезти его тело сюда. Наверное, там и находится сейчас Отважный Медведь.

Я был очень рад, что мы решили подождать отца и без него никуда не поедем.

В нашем лагере был индеец, которого звали Ревущий Бык. Он был очень большого роста, но почему-то боялся лошадей и ни разу в жизни не коснулся лошади. Его жена стала налаживать для него индейскую бесколесную тележку – травуа – на тот случай, если придется бежать.

Наверное, читатель улыбнется, читая эти строки. Но если кто-нибудь из вас был бы в те дни с нами, вам нетрудно было бы понять нашу тревогу. Известие, что бледнолицые солдаты приближаются, наполнило наши сердца жутким страхом; мы знали, что они убивают женщин и детей и что нас постигнет та же участь, когда они здесь появятся.

Несколько юношей поднялись на вершину холма, чтобы посмотреть, что делают другие. Они сообщили, что Северный лагерь покинут индейцами; это был тот лагерь, где жил Бешенный Конь.

Когда узнали об этом наши люди, то все очень сильно встревожились. Мы строили разные предположения, старались догадаться, что там произошло. Думали, не выгнали ли индейцев солдаты? Мы никак не могли понять, что случилось. Только потом мы узнали, что как только был убит вождь Бешенный Конь, как другой вождь, Сидящий Бык, встал во главе его людей и вместе с ними скрылся в Канаде.

Наконец вернулся домой мой отец. Он увидел, что мачеха и бабушка коротко постригли себе волосы, – он знал, что они это сделали в знак траура по Бешенному Коню; вождь доводился одной двоюродным братом, а другой – племянником. Обе они плакали, когда отец вошел.

Как только в нашем лагере узнали, что вернулся Отважный Медведь, тотчас же собрались люди около нашего типи, чтобы услышать новости и узнать, что дальше делать. Увидев вокруг себя взволнованных людей, отец стал рассказывать про случившееся несчастье.

– Мы все были в форте Робинзон, около гауптвахты, куда вызвали Бешенного Коня. Он попросил зайти вместе с ним своего друга – вождя Маленького Великана, – они уже давно

были друзьями. Вместе они вошли в помещение гауптвахты, мы же остались поджидать их снаружи.

Скоро мы услышали, что за стеной происходит что-то неладное: к нам донеслись раздраженные голоса, крики. Это встревожило нас. Отец Бешенного Коня и несколько его друзей вбежали туда.

Прошло немного времени, и мы увидели, что люди стали выходить из помещения гауптвахты. Вышел и старик отец, он нес на руках умирающего сына. Бешенный Конь был смертельно ранен копьем солдата. Отец поднял сына на руки с того самого места, где он упал раненый. Почему бледнолицые убили молодого вождя? Он никому не причинил зла. Они пригласили его зайти к себе и там коварно убили.

Когда отец Бешенного Коня вышел под открытое небо с умирающим сыном на руках, он сказал:

«Если бы мой сын хоть сколько-нибудь подозревал, что на него готовится нападение, копьё бледнолицего солдата не коснулось бы его. Но он был введен в заблуждение, его застали врасплох».

Я снял с себя одеяло, завернул умирающего и не отходил от него, пока отец Бешенного Коня был занят приготовлением травуа для перевозки раненого сына.

Люди Красного Облака и Крапчатого Хвоста стали пробираться вперед с явными намерениями пристрелить умирающего, потому что их вожди завидовали почестям, которые лицемерно были обещаны бледнолицыми Бешенному Коню. Но я встал перед раненым и защитил его своей грудью; я держал ружье наготове и готов был убить кого угодно, кто только осмелится выстрелить в умирающего – самого замечательного вождя нашего племени. Люди Красного Облака и Крапчатого Хвоста поняли мои намерения и скрылись, не совершив своего подлого поступка. Скоро траурная процессия прибудет сюда...

Печальный рассказ отца все слушали с напряжённым вниманием, и, как только он начал говорить, умолкли песни храбрых.

Присутствие моего отца как будто немного успокоило людей. Его все уважали и знали, что интересы индейского народа для него дороже всего. Отвечая на вопрошающие взгляды людей, он сказал:

– Мне кажется, что нам нет нужды бежать отсюда. Завтра утром я пойду к агенту, и мы поговорим обо всем.

Мы все с грустью поджидали, когда привезут умирающего или, быть может, уже умершего вождя. Моя мачеха и бабушка были в трауре и плакали почти все время.

Скоро мы заметили вдали приближающуюся процессию. Люди продвигались медленно и везли на бесколесной тележке еще не остывший труп молодого вождя. Преданные друзья Бешенного Коня, которые не покинули вождя до последней

минуты его жизни, вошли в лагерь с людьми нашей родовой группы, но остались немного в стороне, потому что с ними был покойник. Бешенный Конь был самым великим вождем, который когда-либо был у племени сиу⁹. Я утверждаю это потому, что он был очень отважным, замечательным человеком. Ни разу в жизни он не был ранен, пока не повстречался со смертью, несмотря на то, что Неистовая Лошадь был всегда впереди, когда происходила битва. Ни одна пуля, ни одна стрела не пронзили его тела. Даже лошадь, на которой он скакал, никогда не была ранена – ни одна из его лошадей. Так

⁹ Даже враги удивлялись отваге Бешенного Коня. Американский офицер капитан Бэрк, встречавший Бешенного Коня на полях битвы, не скрывал своего восхищения его отвагой и считал его «одним из замечательнейших воинов своего времени, своего поколения».

получил этот любимый индейским народом вождь свое прозвище Тачунке Витке – Неистовая Лошадь.

Он был очень скромным человеком и никогда не носил нарядной одежды. Когда он участвовал в битве, он не носил живописный головной убор из орлиных перьев, только чучело сокола украшало его волосы с левой стороны головы. На плечах у него развевался красный плащ.

В битве у Литл-Биг-Хорн он первый бросился навстречу врагу. Он проскакал мимо шеренги солдат с одного конца до другого, они все прицелились в него и выстрелили, но ни одна пуля не ранила ни всадника, ни его лошадь. Так он проскакал несколько раз и, как всегда, остался невредимым. Сейчас же после смерти генерала Кастера, когда вашингтонское правительство подняло шум по этому делу, Бешенный Конь вместе со своими людьми перешел границу Канады и скрылся в лесах.

Несколько наших вождей, в том числе и мой отец, отправились в Канаду с трубкой мира. Было условлено, что если Бешенный Конь примет трубку мира, то правительство САСШ сейчас же назначит его верховным вождем всей Дакоты и его повезут в Вашингтон, чтобы представить президенту...

Неистовая Лошадь принял трубку мира и вернулся на родину... Но вместо всех почестей его убили.

В заговоре бледнолицых приняли участие два предателя из индейских вождей – Красное Облако и Крапчатый Хвост.

НА БЕРЕГАХ МУТНОЙ РЕКИ

Вскоре после того как был убит великий вождь Бешенный Конь, мой отец вернулся домой с ружьем и шестизарядным револьвером. Он дал и то и другое мне и сказал, чтобы я обращался с ними бережно, что это оружие такое же, как у солдат. Стоит ли говорить, как я обрадовался, что держу в руках огнестрельное оружие! Сейчас же я прикрепил револьвер к своему поясу, а ружье в красивой кобуре я повесил за плечами. Вооруженный таким образом, я ходил гордый, как индюк, и чувствовал себя совсем взрослым, хотя мне было всего лишь десять лет.

Мне очень хотелось узнать поскорее, как стреляет шестизарядный револьвер. Я позвал своих товарищей, и мы отправились поохотиться на кроликов. Мне было безразлично, убью ли я хоть одного кролика или нет, мне хотелось только услышать громкий выстрел. Другие мальчики столпились около меня, чтобы лучше услышать выстрел, и я видел по их глазам, как им хочется самим выстрелить. Я разрешил каждому из них выстрелить по одному разу, и нам было очень весело.

Скоро по распоряжению правительства нам пришлось переселяться всем племенем на берега реки Миссури – по-индейски мы ее называли Мини-Сосе (Мутная река). Там было расположено и агентство Крапчатого Хвоста. Мы должны были отправиться на земли, расположенные пониже агентства Янхтон на западном берегу реки. Прошел слух, что люди из агентства Красного Облака также передвигаются на другое место. Они следовали по берегу Большой Белой речки по направлению к Миссури.

Стояла уже поздняя осень, и было очень холодно. Скоро выпал снег.

Несмотря на то, что правительство заставило нас переселяться, мы не могли на этот раз пожаловаться на плохое обращение.

Опасаясь новых столкновений, правительство после битвы у Литл-Биг-Хорн решило на время переменить свою тактику. Наши индейцы поняли это и держались в пути довольно независимо: они делали привалы, где им хотелось, и затем снова снимались с места. Агент ехал с нами, но почти не вмешивался в нашу жизнь.

Из-за чего же правительство решило переселить наших индейцев? Дело это объясняется просто. Несколько бледнолицых из колонизаторов хотели завладеть нашей землей. Если бы им только удалось убедить достаточное количество людей нашего племени осесть на западном берегу Миссури – от устья Большой Белой речки до устья Ниобрера, – тогда представители от правительства были бы тут как тут с договорами и предложили бы их подписать. Перед некоторыми из наших вождей, потерявшими честь и достоинство и заискивавшими перед бледнолицыми, появились бы виски и подарки, они услышали бы много заманчивых обещаний; под действием вина они подписали бы договор и отдали бы то, что им не принадлежало, – землю своего народа. Это они и делали тайком от других вождей. Вашингтонскому правительству нужно было собрать достаточное количество подписей, а как эти подписи доставались и были ли пьяны вожди, когда подписывали, или нет, это никого не беспокоило. Уже не раз происходили такие сделки, и индейцы продолжали терять свои земли.

Мне хочется, чтобы читатель запомнил, что индейцы, прославленные колонизаторами, не были людьми, которых мы, индейцы, уважали бы и считали бы своими лидерами. Они стали известными людьми у бледнолицых, потому что торговали тем, что им не принадлежало, и отдавали колонизаторам за бесценное народное достояние. Когда индеец совершал преступление и вызывал ненависть у своего народа, он убегал к бледнолицым, надеясь у них найти защиту. Но колонизаторы наших дней не были друзьями индейцев, так же как они не были друзьями между собой.

Когда мы добрались до берегов реки Миссури, мы увидели, что это место не для нас, нам здесь совсем не понравилось. Тут ничего не было похожего на Маленькую Белую речку, но уполномоченный старался убедить вождей, что эти места очень хороши для земледелия. Но что мы понимали в то время в земледельческих работах? Мы были охотниками и никогда не возделывали землю. Все, что нам нужно было для существования, росло в диком состоянии на родине. Зачем же нам перекочевывать сюда, где ничего не было, где природа была бедна? Мы тосковали без леса, богатого дичью, нам не доставало родных долин и рек.

Мы решили остаться у берегов Мутной реки только на зиму и старались на время примириться с местными условиями.

ТАЙНА, КОТОРАЯ БЫЛА ОТКРЫТА, И НЕОТКРЫТАЯ ТАЙНА

Была ранняя весна, и наши индейцы собрались в обратный путь. Они направились к тому месту, где сейчас расположено агентство Розбад.

Во время этого путешествия я заметил, что агент предоставил телегу, запряженную четырьмя мулами, для перевозки имущества Крапчатого Хвоста; кроме того, у Крапчатого Хвоста была и крытая коляска для личного пользования. Вскоре после того как мы вернулись с берегов Миссури – Мутной реки, – мы узнали, что Крапчатому Хвосту было разрешено брать в кредит продукты и товары из любой лавки на территории резервации. Несколько времени спустя правительство выстроило ему двухэтажный дом. Индейцы-одноплеменники недоумевали, почему этими преимуществами пользуется только Крапчатый Хвост. Прошло некоторое время, прежде чем выяснились темные дела Крапчатого Хвоста.

Когда мы прибыли на место и стали разбивать свой лагерь, то узнали, что у родителей Бешенного Коня повозка – травуа – все еще покрыта шкурой бизона. Говорили люди, что как-то раз родители погибшего вождя развернули саван, который будто прикрывал сына... Но под этим саваном оказалась куча тряпок. Куда родные отвезли тело сына и где похоронили? Никто этого не знал. Это была тайна семьи Неистойой Лошади. До сих пор никто не знает, где его могила. Так не осталось ничего от одного из замечательнейших людей нашего племени. Ни у кого нет и его портрета, он никогда не снимался.

ЛАВКА МОЕГО ОТЦА

Вскоре после нашего возвращения отец купил большую четырехугольную палатку, в которой он решил начать торговлю. Прошло немного времени, и отец, получив разрешение у агента, срубил в лесу несколько больших деревьев, с тем чтобы распилить их на доски. Он задумал построить ларек для торговли. Я ничего не знал о том, что он работал на лесопилке, на берегу Маленькой Белой реки, пока не увидел его, возвращающегося домой с большими необтесанными досками. Когда отец заготовил достаточное количество досок для постройки ларька, он пригласил к себе на помощь двоюродного брата, по имени Тоскующий Волк. Они вместе принялись за работу и выстроили не только ларек, но и навес для сушки шкур, которые индейцы приносили в обмен на товары.

В моей памяти сохранилось воспоминание о том, как трудился мой отец, задрапированный по обычаю индейцев в одеяло. На талии одеяло придерживалось поясом, так что за пазуху было удобно класть гвозди. На голове у отца была серая фетровая шляпа – мода, заимствованная у бледнолицых, – но по обычаю индейцев он украсил ее орлиным пером. Две длинные черные косы свободно висели за спиной отца. Тоскующий Волк не носил фетровой шляпы, а длинные волосы его были завязаны узлом на затылке, чтобы не мешали, когда он забивал гвозди. Так же как и отец, он был закутан в байковое одеяло, которое придерживалось поясом. Мокасины и кожаные чулки служили им обувью – отцу и его двоюродному брату. Так они и работали вдвоем на крыше в своих полуиндейских, полуцивилизированных костюмах.

Скоро лавка была выстроена и отделана изнутри; появились полки для товаров и прилавков, у отца не было весов, но это его не беспокоило: он приспособился измерять продукты кружкой.

Бывало, что покупатель просил отца отпустить ему товары в долг. Отец был неграмотный и не мог вести бухгалтерские записи, как это делали торговые люди у бледнолицых. Но, несмотря на это, он завел себе книгу, в которой стал вести своеобразные записи-зарисовки для памяти.

Помню, к нему в лавку зашел индеец, по имени Бегущая Лошадь, и попросил отпустить ему в долг товаров стоимостью на десять долларов. Отец достал с полки книгу и нарисовал голову человека, а над ней бегущую лошадь; перед лицом человека он поставил десять разных палочек. Такая запись гласила о том, что покупатель Бегущая Лошадь взял в кредит товаров на десять долларов. И когда через некоторое время Бегущая Лошадь вернул ему пять долларов, отец вычеркнул пять палочек.

Бегущей Лошади не надо было расписки на деньги, которые он внес, – то, что отец вычеркнул пять палочек, это и было распиской в получении. Никогда бы отец не спросил у него их снова. После того как Бегущая Лошадь вернул весь свой долг, отец вычеркнул бы и оставшиеся палочки.

В те времена индейцы верили друг другу на слово и слово их было дороже золота.

Помню, когда индейцы приносили шкуры в обмен на товары, дедушка брал свой большой нож и срезал весь жир, который оставался на шкуре. После того как шкуры были хорошо очищены, отец отвозил их куда-то на берег реки Миссури. Оттуда он и привозил новые товары для лавки.

Когда отец отлучался для того, чтобы принять участие в совете вождей, или по какой-либо другой причине, он поручал мне присматривать за ларьком. Я присматривал очень старательно до тех пор, пока не наедался вдоволь конфетами. А потом время тянулось уж очень долго и скучно, и я говорил мачехе: «Я пойду погулять немного». Отец никогда не бранил меня за эти отлучки – он хорошо понимал, что такому живому мальчику, каким я тогда был, очень трудно усидеть на одном месте, а кроме того, он многое прощал мне потому, что я был его старшим сыном и он очень меня любил.

О ТОМ, КАК БОЛЬШИЕ НОЖИ ПРИВЕЗЛИ НАМ ОДЕЯЛА И ТЕЛЕГИ

Подоспело время выдачи ежегодного вещевого пайка нашим индейцам согласно договору с правительством Вашингтона. Этот договор был заключен с индейцами после того, как охотники колонизаторов уничтожили всех бизонов, и индейцам, которые всегда одевались в одежду из шкур бизонов, теперь было буквально не во что одеваться. Правительство прислало все товары в распределительный пункт, который находился на расстоянии полутора миль от Розбад Крик – Розового Ручья. Здесь индейцы разбили свои типи по кругу, а все товары были положены в центре круга.

Нам сказали, что выдача начнется только на следующий день. Там было много больших ящиков и тюков с байковыми одеялами, сваленных друг на Друга. Несколько индейских юношей были поставлены на стражу, чтобы охранять эти товары всю ночь. Они развели костры, а жены вождей приготовили им вкусный ужин.

А мы, мальчики, подошли к тюкам и вскарабкались на самый верхний, потом стали лазить по ящикам, и нам было очень весело. Мы ничего не унесли с собой, потому что хорошо знали, что нельзя брать чужие вещи. На следующий день было большое собрание, на котором выбрали несколько человек из молодежи, чтобы открывать ящики и тюки. Юноши, которым доверяли такое ответственное дело, должны были быть безупречно честными, хорошими людьми. В ознаменование этого события их родители подарили бедным несколько лошадей. Во время раздачи вещей для охраны порядка было выбрано еще четыре человека из индейцев. Эти люди вооружились дубинками. После того как все тюки и ящики были открыты, юноши стали распределять вещи. Одеяла, которые в силу необходимости теперь стали заменять индейцам одежду из шкуры бизона, были разноцветные: синие, черные, зеленые и желтые.

Во время выдачи одеял один из индейцев, по прозвищу Он Красит Ухо В Белый Цвет, захотел сам переменить черное одеяло, которое он получил, на синее. Когда это заметил человек из охраны, он ударил дубинкой индейца, нарушившего установленный порядок, так сильно, что тот упал на землю. Несколько минут пострадавший пролежал без сознания. Но когда он пришел в себя, то поднялся и молча пошел домой с пустыми руками.

После того как окончилось распределение одеял, индейцев позвали к агенту в контору. Здесь всем выдали по бумажке на получение телеги. Но телеги эти находились где-то далеко – на берегах реки Миссури, и индейцы теперь должны были проделать этот путь. Мой отец тоже получил такую бумажку, и мы с ним вместе и с одним моим дядей отправились в путь. По дороге мы встретили нескольких родственников, которые

отправлялись туда же, некоторые из них были со всей семьей. Все они скакали на своих маленьких лошадках, не представляя себе, какое испытание им придется перенести, прежде чем они доведут телеги домой. Нужно было преодолеть расстояние в 50 миль, так что нам пришлось сделать привал, прежде чем мы достигли места назначения.

Правительство прислало телеги пароходом, который причалил к пристани Черный Столб. Эта пристань была расположена ближе всего к нашему агентству; люди из агентства Красного Облака должны были проделать путь в два раза больший, чем мы, но они ехали сюда безропотно, лишь бы получить телегу.

Когда индейцы добрались до пристани, они разбили свой лагерь по кругу. Телеги не были собраны, разные их части были только связаны вместе, а упряжь упакована в больших серых мешках. Несколько бледнолицых собирали телегу из составных частей. Вот телега готова, стоит на колесах, и тогда раздается зычный голос бледнолицего: «Эта телега отдается в собственность...» Тут он называл имя индейца, которому предназначалась телега. Тогда выступал вперед индеец со всей своей семьей и друзьями, чтобы взять телегу. При этом бледнолицый протягивал ему еще ящик с колесной мазью и две упряжи. Потом один из индейцев брался за дышло телеги, другие подталкивали сзади.

После того как индеец притащил свою телегу в лагерь, он пробовал запрячь в нее своих пони.

Тогда на шее этих маленьких животных появлялись огромные тяжелые хомуты, которые свисали чуть ли не до земли. Правительство колонизаторов прекрасно знало, что у индейцев нет больших рабочих лошадей, тем не менее оно присылало большую упряжь, совсем не задумываясь и не беспокоясь о том, смогут ли ее использовать индейцы для своих маленьких пони. Если упряжь еще можно было с грехом пополам уменьшить, вырезая из нее куски и снова сшивая, то уменьшить хомут нельзя было никак. Многие индейцы наматывали целое одеяло на шею пони и сверху надевали хомут, чтобы как-нибудь удержать его на своем месте.

Я ждал с нетерпением, чтобы скорее назвали имя моего отца, потому что мне очень хотелось получить большую, выкрашенную в зеленый цвет телегу с красными колесами. Наконец-то один из бледнолицых крикнул: «Эта телега предназначается для Отважного Медведя!» Мой дядя и я вышли вперед и оттащили телегу немного в сторону, смазали ось на колесах, как нам сказали, и стали запрягать лошадей. Когда я вспоминаю, как жалко выглядели наши маленькие пони в этих огромных хомутах, то становится и смешно и горько. Еще совсем недавно они бегали по прерии в диком состоянии. Индейцы поймали их и приручили, чтобы использовать для верховой езды, в упряжке они почти совсем не ходили, если не считать, что иногда их запрягали в легкую бесколесную тележку – травуа. Такой же тяжести, как эти телеги бледнолицых, им никогда не приходилось возить. Индейцы с беспокойством следили за своими лошадками и недоумевали: смогут ли они дотащить домой эти огромные телеги или нет? Бывало, что кто-нибудь из индейцев по неопытности не смазывал колеса колесной мазью. Бедные пони тянули, тянули телегу, но она не двигалась с места. Некоторые телеги так и остались на дороге.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С КОВБОЯМИ

Прошло немного времени, и отец решил отправиться к берегу Миссури, чтобы обменять там шкуры «пятнистых бизонов», или попросту коровьи шкуры, на новые товары. Я отправился вместе с ним. Мы выехали на двух телегах – на одной сидел отец, на другой я. И та и другая телега были нагружены шкурами.

Чтобы дать отдохнуть нашим лошадям, мы расположились лагерем на берегу ручья Антилоп в одиннадцати милях к востоку от агентства. В те годы это были совсем еще не населенные, глухие места.

Свой путь мы держали по направлению к Черепашьему ручью, который пересекал равнину поперек. На некотором расстоянии от нас был небольшой холм. Вдруг мы увидели, как на его вершине появилось четверо ковбоев страшного, разбойничьего вида. Они были от нас всего лишь на расстоянии полумили, и ехали они той же дорогой, как и мы.

Отец заметил ковбоев и остановил своих лошадей, я последовал его примеру. Потом отец соскочил с телеги и скрылся позади нее. Когда отец снова появился, он держал в руке ружье; он зарядил его быстро, чтобы быть наготове.

– Сынок, эти люди не нравятся мне, – сказал он голосом, в котором слышалась тревога. – Если они начнут в нас стрелять, я буду тоже стрелять. Если я застрелю двоих, то оставайся со мной. Если же ты увидишь, что меня застрелили, то распряги быстро одну лошадь и скачи скорее обратно в лагерь. Я не хочу, чтобы ты погиб от руки бледнолицего, это была бы позорная смерть для индейца... Так слушай же, сын мой, – продолжал отец после минутного молчания, – я поеду вперед, а ты держись позади меня. Когда я остановлюсь, то будь настороже. Помни, что, если меня ранят, ты должен быстро мчаться домой.

Тогда отец снова залег в телегу, ружье он не выпускал из рук. Его лошадь бежала мелкой рысцей, а я держался совсем близко позади него. Когда ковбои были уже совсем близко около нас – едва ли нас разделяло расстояние больше четверти мили, – они вдруг круто повернули своих лошадей и помчались в противоположном направлении. Мне кажется, что они заметили у отца ружье и, может быть, подумали еще, что я тоже мужчина и что у меня ружье наготове. Поэтому они не рискнули напасть на нас.

Если бы они знали, что я всего лишь маленький мальчик, то, наверное, это приключение закончилось бы иначе и эта книга никогда не была бы написана.

Мы проехали еще около шести миль и тогда сделали привал, но отец все время был настороже. После ужина мы отъехали в сторону от дороги мили на полторы, чтобы там переночевать. Я сразу же заснул крепким сном, как засыпает каждый здоровый мальчик, но думаю, что отец совсем не спал в ту ночь. Каждый раз, когда я просыпался, я видел, как он сидел с ружьем наготове.

Как я был рад, когда, наконец, рассвело и мы стали вместе готовить завтрак! Потом мы запрягли своих лошадей и вернулись на дорогу. Здесь отец соскочил с телеги и стал внимательно всматриваться, нет ли следов ковбоев. Но никаких следов он не заметил. Он сказал мне, чтобы я все время был настороже. Мне это показалось очень интересным, я воображал, что мы были на военной тропе.

Когда мы приехали на берег реки Миссури, мы встретили там индейцев, которые приехали сюда по делам и уже собирались в обратный путь. Отец рассказал им про нашу встречу с ковбоями, и индейцы, встревоженные этим рассказом, захотели возвращаться домой вместе с нами.

КАК МЕНЯ ЗАВЕРБОВАЛИ В ШКОЛУ

Наступил сентябрь 1879 года. Дни теперь стояли прохладные и ясные, можно было много бегать и играть, и при этом не было жарко, как летом.

Маленький мальчик, по имени Ваниетула – Зима, – и я играли на улице между ларьком моего отца и агентством. Ваниетула был моим дальним родственником, и мы называли друг друга «брат».

Мы заметили большую толпу, которая собралась около одного из домов агентства. Конечно, нам это было очень интересно, и я сказал брату:

– Давай побежим туда и посмотрим, что там делается.

И мы помчались со всех ног.

Когда мы подбежали к дому, около которого собралась толпа, мы поднялись на цыпочки и заглянули в окно. Комната была полна народу. Среди толпы мы заметили нескольких бледнолицых мужчин и одну женщину.

Они увидели, что кто-то смотрит в окно, и знаками стали приглашать нас войти. Но мы не знали, что делать.

Тогда они показали нам несколько длинных леденцов. А я отозвал своего братишку в сторону, чтобы обсудить, что этим бледнолицым от нас надо. Они показали нам конфеты, наверное хотели угостить? Мы вернулись и снова заглянули в окно.

На этот раз в дверях показался переводчик и заманил нас в комнату. Это был метис, по имени Чарлес Такет, а среди нас, ребят, он был известен как Длинный Подбородок.

Мы входили очень медленно, останавливались на каждом шагу и все думали, думали: «Зачем же это нас зовут?»

Там мы увидели двух индейских мальчиков, одетых, как бледнолицые. Они где-то учились. Оба они были племени санти сиу, но в своей новой одежде они выглядели совсем как бледнолицые,

Тогда переводчик сказал нам, что если мы поедем на восток и научимся там жить, как живут бледнолицые, то нас тоже нарядят так, как этих мальчиков. Потом он добавил, что это просил нам передать один бледнолицый учитель, которого зовут капитан Пратт.

Переводчик говорил с нами очень любезно, но меня не тронули его слова. Моя мысль работала совсем в другом направлении. Я вспоминал наставления своего отца. Он говорил:

«Мой сын, будь храбрым! Умри на поле битвы, вдали от дома, если так нужно будет. Лучше умереть молодым, чем сделаться старым и больным и тогда умереть».

Мне показалось, что случай поехать на восток будет доказательством моей храбрости. Мы не любили бледнолицых и не верили им, и мысль поехать с людьми, которых мы считали своими врагами, куда-то в неизвестные края показалась мне привлекательной, и я сказал: - Да, я поеду.

Потом я добавил, что сейчас сбегаю за своим отцом, чтобы они сами с ним обо всем переговорили.

Взволнованные разговором с бледнолицыми, ни я, ни мой брат не вспомнили про обещанный нам леденец. Так мы его и не получили.

Я побежал домой и застал моих родных за столом. Отец сидел с мачехой, и все пятеро детей были с ними.

Я подсел к отцу и стал рассказывать ему про бледнолицых, которые приехали в наше агентство. Дети притихли и очень внимательно слушали мой рассказ. Там были мои сестры Зинтказивин и Уонбли Кояакевин, и два моих брата Уопатапи и Нэп-Сни, и моя самая маленькая сестра Тауа-Хукезанунпавин.

Когда я рассказывал, я забыл про еду, но все-таки немного поел, чтобы не огорчать родителей. Мне очень хотелось скорее вернуться в агентство.

После обеда мы отправились туда вместе с отцом. В агентстве встретили нас очень хорошо, и все здоровались с отцом за руку. Потом они сказали ему через переводчика относительно поездки на восток, которую они предложили мне. Отец выслушал все, что они сказали, потом повернулся ко мне и спросил:

– Хочешь ли ты, сынок, поехать?

– Да, – ответил я.

Мне кажется, я был первым мальчиком, который тогда дал свое согласие. Мое имя записали в большую книгу. Ота Кте (Меткий Стрелок), сын Мато Нажина (Отважного Медведя).

После того как мое имя попало в книгу, все бледнолицые пожали мне руку и сказали что-то на своем языке, но я ничего не понял.

РАССТАВАНИЕ

Мы с отцом вышли вместе и направились к дому. По пути он не проронил ни слова.

Наверное, ему было грустно. Может быть, он думал, что, если я уеду с бледнолицыми, он никогда больше не увидит меня, что я забуду свой народ. А может быть, он боялся, что если я стану образованным, то пойду против своего народа. Закрадывались ли в сердце отца эти опасения, я не знаю, но он шел все время молча.

На следующий день отец пригласил к нам всех соседей. Он снял все товары с полок своего ларька и принес их оттуда домой. Потом он привел нескольких пони. Когда народ собрался у нас, он отдал им свои товары и пони, потому что я уезжал на восток, уезжал с бледнолицыми и, быть может, уже никогда не вернусь. Поэтому он роздал почти все, чем владел.

Другие вожди тоже отдали много своих вещей.

Агент сказал индейцам, что у него будут государственные фургоны, где поместятся все дети, которые уезжают. Но мой отец сказал, что он хотел бы сам подвезти меня как можно дальше. Он погрузил на свой небольшой фургон маленькие типи, спальные принадлежности, посуду – словом, все, что нужно было нам в дорогу, чтобы доехать до пристани – часть пути мы должны были ехать на пароходе.

Когда все уже было готово к отъезду, я взглянул на своих пони, которые паслись недалеко на лугу, и мне вдруг стало так грустно. Ведь, может быть, я их никогда больше не увижу. И я попросил разрешения у отца поехать верхом на пони: нужно было проехать расстояние около пятидесяти миль, отделявшее нас от агентства Черный Столб, где была пристань и куда должен был причалить наш пароход. Отец, конечно, не мог отказать мне в моей просьбе.

На полпути к пристани мы остановились на ночлег и разбили лагерь. Здесь мы встретили многих мальчиков и девочек, которых тоже завербовали учиться в школу бледнолицых. Некоторые из них ехали на государственных фургонах, другие так же, как и я, верхом на маленьких лошадках-пони, третьи – с родителями на своих фургонах.

На следующий день рано утром мы все вместе двинулись в путь. Моя сестренка ехала с родителями.

Теперь оставалось уже недалеко до пристани, с которой мы должны были сесть на пароход. Скоро я должен буду расставаться с моим милым пони и ехать дальше, на восток, но куда – нам не сказали.

Наконец мы приехали в агентство Черный Столб.

Здесь мы снова разбили свои типи, так как нужно было дождаться прибытия парохода. Никто из нас не торопился уехать. Здесь было так хорошо! Мы бегали, кричали, возились, стараясь наиграться вдоволь, пока мы были еще вместе с родными. Мы провели в ожидании три дня, и тогда нам сказали, что пароход придет на следующий день.

В последний день моя сестра вдруг испугалась и сказала, что она не хочет учиться у бледнолицых. По правде сказать, я был только рад этому, так как, кроме того, что она была девочкой, она была младше меня и причинила бы мне много лишних забот. Если бы с ней что-нибудь случилось, мне бы пришлось отвечать за нее.

Наконец пароход причалил к пристани. На берег перебросили мостик. Заходящее солнце осветило прощальными лучами мальчиков и девочек, которые стояли друг за дружкой и по одному входили на пароход, когда называли их имена. Некоторые из детей закапризничали и отказались подняться на пароход, так что не одна моя сестренка была трусихой, некоторые дети тоже испугались в последнюю минуту. Когда назвали мое имя, я поднялся по мосткам без всякого колебания. Уже стемнело, когда все мы были на борту парохода.

После этого сняли мостки. Родители остались теперь одни на берегу и начали плакать. Было очень грустно. Я не заметил слез ни на глазах моего отца, ни на глазах мачехи, поэтому я не плакал. Я просто стоял, забившись в угол, и смотрел, как другие плакали. Многие рыдали так сильно, что казалось, их сердце разорвется.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОСТОК

Наконец пришло время ложиться спать. Но в той большой комнате, в которую нас привели, мы не увидели ни одной постели, поэтому мы разместились на полу – девочки с одной стороны, а мальчики с другой, закутались в свои индейские одеяла, положили мокасины под голову и постарались заснуть.

Но заснуть мы не могли очень долго. Гребное колесо шумело очень сильно и отгоняло сон. Ведь мы привыкли к тишине.

Среди ночи, когда взрослые думали, что все мы спим, я услышал, как шептались большие мальчики. Они хотели спрыгнуть с парохода. Когда я услышал их разговор, я вскочил и увидел, как три мальчика спускались вниз. Казалось, что пароход не двигался, и я пошел тихонько за ними вниз – на нижнюю палубу. Здесь я увидел много людей, которые таскали дрова на пароход.

Три мальчика стояли на самом краю палубы, дожидаясь удобного случая, чтобы спрыгнуть в воду, а потом они хотели убежать в лес.

Я оставался позади и наблюдал за ними, стоя у лестницы.

Потом самый большой мальчик сказал:

– Сегодня, пожалуй, не стоит. Я слышал, что завтра мы все равно сойдем на берег. Тогда у нас будет хорошая возможность, а пока пойдем спать.

После этого мальчики отправились наверх, в большую комнату, завернулись в свои одеяла и заснули. Я тоже пошел на свое место, укутался получше в одеяло... но заснуть все равно

не смог. Я думал все время: «Куда это нас везут и что с нами будут делать после того, как привезут?»

Мне и в голову не приходила мысль, что я еду учиться обычаям бледнолицых. Мне казалось, что я покинул родные края только для того, чтобы совершить подвиг, а потом, если останусь жив, сразу вернусь домой.

И как бы гордился тогда мной мой отец!

Около полудня на следующий день пришел переводчик и сказал нам, что мы должны подготовиться, чтобы сойти с парохода.

Скоро пароход причалил к пристани, опять кто-то перебросил мостик, и мы сошли на землю.

Нам пришлось идти довольно долго, пока мы не пришли к длинному ряду маленьких домиков, стоявших на двух длинных полосах железа, конца-края которым не было видно. Маленькие домики стояли все по порядку, один за другим. Переводчик сказал нам, что нужно войти туда.

Мы вскарабкались по ступенькам и попали в очень красивую длинную и узкую комнату, в которой было много мягких сидений.

Я сначала сел на одно место, но потом мне захотелось сесть на другое. Наверное, я переменил пять или шесть мест, пока, наконец, не успокоился. Нам очень понравилась эта комната и особенно кресла, и мы весело болтали между собой.

Вдруг весь дом двинулся куда-то... Я был очень рад тому, что сестренки не было со мной, так как было очень страшно: мы ждали каждую минуту, что дом перевернется или случится что-то ужасное. Вцепившись руками в сиденья, чтобы не упасть, мы зубами придерживали на себе одеяла.

Я сидел у окна и смотрел на столбы, которые мелькали перед глазами. Но скоро я ушел от окна и пересел на другое место, так как мне вдруг стало казаться, что сейчас разобьется окно, так близко мчались мы мимо столбов.

Мы впервые попали в поезд и не знали, что это такое; мы думали, что вагоны были домами.

Много столбов промелькнуло мимо окон нашего поезда, много страха натерпелись мы, когда, наконец, пришел переводчик и сказал, чтобы мы приготовились – скоро выйдем покушать. Тому, у кого были свертки, он сказал, чтобы все оставили на своих местах. Некоторые из старших мальчиков стали втыкать перья в волосы и погуще накладывать боевую краску на лицо.

Когда остановился наш поезд, мы увидели на станции очень много бледнолицых. Прошло всего лишь три года после того, как в схватке с индейцами сиу потерпел поражение генерал Кастер. Не удивительно, что Большие Ножи – так называли индейцы бледнолицых – хотели взглянуть на индейцев этого племени. Наверное, многие из них ждали, что мы выскочим из поезда с острыми ножами, зажатыми в зубах, с луком и стрелами в одной руке, с томагавком в другой и огласим воздух дикими, воинственными криками.

Станция, на которую мы приехали, называлась Город Сиу. Бледнолицые уставились на нас и страшно зашумели. Как только поезд остановился, и мы подняли рамы, чтобы взглянуть, они стали бросать деньги прямо в нас. Но старшие мальчики сказали, чтобы мы ничего от бледнолицых не брали и бросали бы им все обратно. Мальчики пугали нас, что, если мы возьмем деньги, Большие Ножи запишут наши имена в большую книгу. Мы тогда еще были глупыми малышами и не задумывались над тем, как же бледнолицые смогут узнать наши имена. Как бы там ни было, но деньги мы им бросили назад.

Они только громко засмеялись и снова бросили их нам. Тогда большие мальчики сказали, что надо закрыть окно. На этот раз кончилось бросание денег.

Пришел переводчик и сказал, что здесь нам надо будет сойти. Когда мы вышли из поезда, мы увидели много солдат. Теперь, когда я вспоминаю, я думаю, что это были полисмены, а мы их принимали за солдат потому, что все они были одинаково одеты и у них были блестящие пуговицы. Они выстроились шеренгой по обе стороны улицы, по которой мы прошли в столовую.

Многие из маленьких индейцев боялись бледнолицых, и в этом нет ничего удивительного, потому что бледнолицые вели себя очень странно, когда увидели нас. Они пробовали воспроизвести наш военный клич, передразнивали нас и всячески надоедали нам. Не удивительно, что это привело нас в очень раздраженное состояние: нам совсем не нравилось их обращение с нами.

Когда мы вошли в ресторан, то увидели там два длинных стола, покрытых белой скатертью и уставленных всякими вкусными вещами. Мы сели за стол, но есть не решались. Однако мы не хотели упустить хорошую возможность покушать, а поэтому пододвинули к себе вкусную еду и потихоньку переложили в свои индейские одеяла. Особенно нам понравился сахар, и мы не оставили ни одного кусочка.

Бледнолицые столпились на улице перед окнами ресторана. Они смотрели на нас и громко хохотали, удивляясь нашему поведению. Они хотели посмотреть, как мы едим, но мы обманули их и унесли всю еду с собой в поезд, где разместились поуютнее и спокойно покушали.

Скоро поезд снова двинулся в путь, и мы ехали всю ночь.

На следующий день мы приехали в Дымный город, так в переводе с индейского называется Чикаго. Здесь мы увидели так много людей и такие огромные дома, что ходили все время по городу с широко открытыми от удивления глазами.

Большие мальчики говорили: «Бледнолицых так много, как муравьев; куда ни помотришь – они везде».

В Чикаго мы пробыли долго. Как только мы приехали, нам принесли всякой еды, – за столом нас уже не пробовали угощать. После того как мы поели, переводчик сказал, что сейчас он устроит танцы и мы немного повеселимся. У нас не было с собой индейского барабана томтом, вместо него нам достали откуда-то большой медный барабан.

Нас привели в большую комнату – возможно, это был зал для ожидающих на вокзале, только сидеть здесь было не на чем. Большие мальчики танцевали и веселились, а мы, младшие, смотрели в окошко, наблюдая за тем, как приходили и уходили поезда. Нескольким бледнолицым было разрешено войти, чтобы посмотреть индейские танцы, снаружи собралась большая толпа любопытных.

Вечером мы пересели на другой поезд и путешествовали всю ночь, следующий день и снова ночь. Мы ехали всю длинную дорогу от Дакоты сидя и очень устали. Большие мальчики начали рассказывать нам, младшим, страшные вещи. Одни говорили, что бледнолицые отвезут нас к месту, где встает солнце, и там нас бросят через край земли и утопят. Нас учили, что земля плоская, четырехугольная и, когда подойдешь к ее краю, свалишься в море.

Луна показалась на небе, и мы ехали к ней навстречу. Большие мальчики стали петь песни храбрых, ожидая каждую минуту смерти. Мы все смотрели на луну, она была как раз напротив нас, и нам было как-то не по себе. Слишком близко была луна от нас.

Не в силах бороться с усталостью, я скоро задремал.

ПЕРВЫЕ ДНИ В КАРЛАЙЛЕ

Наконец поезд прибыл на станцию, и нам сказали, что наступил конец нашего путешествия. Пришлось пройти еще около двух миль, пока, наконец, мы не остановились перед высокой стеной, за которой находилась школа. Ворота были заперты на замок. Нам пришлось довольно долго ждать, пока нам открыли. Я был первым мальчиком, который ступил на территорию индейской школы в Карлайле.

Как только мы вошли во двор, девочек отозвали в сторону, и переводчица повела их в большое здание, которое было ярко освещено и издали показалось нам красивым.

Когда переводчик позвал нас в дом, мы побежали очень быстро, думая, что там нас ждут мягкие чистые постели, как у бледнолицых. Мы так устали и измучились от трудного длинного путешествия, и нам очень хотелось хорошенько выспаться и отдохнуть.

От станции Спрингфилд (в штате Северная Дакота) до станции Карлайл (в штате Пенсильвания) мы ехали, как я уже говорил, все время на местах для сидения. Путешествие длилось больше двух суток (не считая одного дня, который мы провели при пересадке в Чикаго), и это было очень утомительным для таких маленьких пассажиров, какими мы тогда были.

Но вот нас привели в двухэтажный дом, и мы поднялись на верхний этаж. Первая комната, в которую мы вошли, была пустая. Только чугунная печка стояла посередине, но она не топилась и была совсем холодная. На печке стояла лампа.

Мы пробежали по всем комнатам, но везде было одно и то же: нигде не мерцал огонек в печке, нигде не было видно ни одной постели.

На сердце камнем легла тоска. Но что было делать? Погрустив немного, мы стали, как могли, устраиваться на ночь: сняли с ног мокасины и положили их под голову, потом закутались в свои индейские одеяла и легли спать на голом полу. Нам было очень холодно. Мы привыкли спать на земле, но на полу было гораздо холоднее.

Всю долгую ночь проворочался я с боку на бок и никак-никак не мог согреться и заснуть.

На следующее утро нас позвали вниз, в столовую. Все, что мы получили к завтраку, были хлеб да вода,- нам это показалось очень обидным. За обедом нас накормили немного лучше: мы получили немного мяса, хлеба и кофе.

Мы все очень тосковали по дому, и особенно старшие дети. Большие мальчики начали петь песни храбрых, а старшие девочки услышали это пение и разрыдались. Так продолжалось несколько вечеров подряд. Дом, в котором жили девочки, был совсем близко от нашего, и нам всегда было слышно, как они плакали.

Через некоторое время нас стали немного лучше кормить, но все же мы жили впроголодь.

Я расскажу вам, как начала свое существование индейская школа в Карлайле.

Несколько лет тому назад среди индейских племен шайенов, арапахо и команчей произошло восстание. Правительство распорядилось немедленно арестовать нескольких храбрых из каждого племени и отправить их отбывать наказание в город Вирджинию. Там они находились под надзором капитана Пратта. Капитан решил узнать, можно ли чему-нибудь научить индейцев, и устроил их в школу, где учились негры. Эти индейцы были взрослыми людьми и не раз уже выходили на военную тропу. Однако учение у них пошло очень хорошо.

Тогда капитану Пратту пришла другая мысль в голову: ему захотелось заняться воспитанием индейских детей, так как он надеялся, что через детей культура бледнолицых будет передаваться и взрослым индейцам.

В распоряжение капитана Пратта было предоставлено несколько пустующих зданий в местечке Карлайле в штате Пенсильвания. Сначала он привез туда с собой нескольких арестованных индейцев из вирджинской тюрьмы, с тем чтобы они остались в Карлайле до его возвращения из поездки в Дакоту, где он должен был завербовать детей для своей школы. В число этих детей попал и я.

Когда я ехал сюда одиннадцатилетним мальчиком, мне хотелось показать своим одноплеменникам, что я храбрый мальчик и не боюсь ехать далеко на восток, хотя я совсем не знал, что меня там ждет.

Первое время после того, как мы приехали в Карлайл, нам было нечего делать. Не было никаких занятий, никакого расписания, не было никаких школьных правил или даже чего-нибудь похожего на это. Мы только бегали все время по двору, и никто не обращал на нас никакого внимания.

Скоро стали приезжать бледнолицые из соседних городов и местечек, чтобы посмотреть на нас. Тогда мы все подходили к перилам площадки и смотрели на них вниз со второго этажа.

Еще долго мы продолжали спать на холодном голом полу, и это было очень тяжело. Как часто вспоминали мы мягкие бизоньи шкуры, на которых так сладко было спать в родных типи!

Как-то вечером нас всех созвал переводчик, дал нам по большому мешку и сказал, чтобы мы набили мешки сеном, и тогда нам будет тепло и мягко спать.

Мы бросились со всех ног к большой скирде сена, которая виднелась из-за конюшни. Торопясь и толкая друг друга, каждый старался набить свой мешок поскорее.

Когда наши матрасы были готовы, мы понесли их на второй этаж и положили аккуратно один за другим на полу большой комнаты. Наверное, было очень забавно наблюдать, как мы, малыши, словно трудолюбивые муравьи, тащили огромную ношу за спиной через весь двор, а потом поднимались с ней по лестнице на второй этаж.

В ту ночь мы в первый раз хорошо спали и, казалось, отоспались за долгие мучительные ночи на голом холодном полу.

Утром мы проснулись в хорошем настроении и стали играть и бросать друг в друга матрасы. Если бы вы видели, на что стала похожа наша комната после этой игры! Весь пол был усыпан сеном. Ведь никому не пришло в голову зашить в мешках отверстия, через которые мы набивали их сеном, оттуда оно и сыпалось. А у нас не было метлы, и мы не могли подмести комнату.

ШКОЛЬНЫЕ ЗАНЯТИЯ НАЧАЛИСЬ

Наконец настал день, когда к нам пришел переводчик и сказал, что сейчас нужно идти в школу учиться. Он нас выстроил по парам, и так мы вошли в класс.

Мы все еще ходили в той одежде, в которой приехали из дому: по-прежнему на ногах были мокасины, на плечах – поверх длинной рубашки разноцветные одеяла.

Учительница дала нам по карандашу и грифельной доске и посадила каждого из нас за отдельный стол.

Скоро мы обнаружили, что карандаш оставляет следы на доске. Нам это показалось очень интересным, и мы начали рисовать что кому вздумается. Но не хотелось, чтобы другие видели наши рисунки, и мы стали натягивать свои одеяла на голову, чтобы спрятаться от

любопытных глаз. Мы рисовали охотников индейцев на пони в погоне за бизонами, мальчика, пускающего свои стрелы в птиц, или же изображали на нашем рисунке какую-нибудь индейскую игру или еще что-нибудь, что могло прийти нам в голову.

Когда все было нарисовано, мы сбрасывали с себя одеяла, оставив их на скамье, и шли к учительнице, чтобы показать, что сделали.

Учительница кивала головой, когда смотрела на наши рисунки, и улыбалась, что, наверное, означало, что работа идет довольно хорошо, так по крайней мере нам казалось.

Как-то раз утром, войдя в класс, мы увидели, что наша большая черная доска была вся исписана. Для чего это было сделано, никто из нас, детей, не знал, и мы никак не могли догадаться. Но скоро пришел переводчик и объяснил нам все. Он сказал:

– Вы видите, что здесь написано много слов. Каждое слово – это имя бледнолицего. Вам дадут эти имена, и у каждого из вас тогда будет новое имя.

У учительницы в руках была длинная заостренная на конце указка. Переводчик сказал мальчику, который сидел на первой скамье, чтобы он подошел к доске. Учительница протянула ему указку и сказала, чтобы он выбрал себе имя, которое ему больше понравится.

Мальчик поднялся и подошел к доске, не сбросив одеяла с плеч. Когда ему дали длинную указку, он повернулся к нам, как будто хотел сказать:

«Должен ли я?.. Поможете ли вы мне выбрать одно из этих имен?.. Хорошо ли, что меня будут звать именем бледнолицего?..»

Он не знал, что ему делать. Он простоял молча, но был весь в напряжении. Он очень много передумал и пережил за эти несколько минут...

Наконец мальчик поднял указку и остановился на одном из имен, написанных на доске.

Тогда учительница взяла белую тесьму и написала на ней имя. Она отрезала, сколько было нужно, и пришила этот кусочек тесьмы с именем к рубашке мальчика на спине. Сейчас же это имя она стерла с доски: в нашей школе не было двух одинаковых имен.

Второму мальчику дали указку, и он выбрал себе имя, и ему также пришили тесьму к рубашке на спину. Когда пришла моя очередь взять указку, у меня было такое чувство, как будто я должен коснуться врага.

В конце концов каждому из нас пришили на спину имя бледнолицего.

В школе пока что мы только научились садиться на свое место. Когда учительница стала делать переключку, никто не откликнулся на свое новое имя, и ей пришлось ходить по классу и искать, у кого из нас пришито на спине имя, которое она назвала. И когда учительница находила, то заставляла этого мальчика встать и повторить за ней свое имя.

Почти неделю продолжала учительница заниматься с нами этим способом, пока, наконец, мы не научились различать на слух свое имя. Я выбрал себе имя Лютер и довольно быстро стал откликаться на него.

После того как мы научились читать свои новые имена, нас стали учить, как их писать. Сначала, когда я стал писать свое имя, я нацарапал его с такой силой, что стереть с грифельной доски не было никакой возможности, но я писал его снова и снова, пока не исписал всю доску с обеих сторон и уже больше некуда было писать. Тогда я отнес свою грифельную доску учительнице, и по выражению ее лица я понял, что она одобрила мою работу. Скоро я научился писать свое новое имя очень хорошо. Тогда я нашел кусок мела и стал писать «Лютер» на всем, на чем только можно было писать. После этого учительница написала азбуку на моей грифельной доске и дала мне понять, чтобы я взял доску с собой в комнату и там бы все выучил. Я с удовольствием согласился, так как

сначала мне показалось, что это будет очень интересно. Я поднялся на второй этаж и забрался в самый дальний угол здания, где, я думал, никто не будет мне мешать заниматься.

Там я уселся и стал смотреть на странные значки, стараясь понять, что они обозначают. Не было никого, кто бы мог мне сказать, что первая буква была «А», вторая – «Б» и т. д. Это было что-то, чего я никак не мог понять... И вдруг мне все стало противно. Неужели же для этого я приехал на восток? Я был так одинок здесь и очень тосковал по отцу и матери. Как мне захотелось покататься на пони, а потом вернуться домой и заснуть на мягкой бизоньей шкуре! В первый раз в жизни я понял, что такое родной дом, все равно, как бы беден он ни был.

Итак, то, что я взял с собой грифельную доску, не принесло мне никакой пользы, мне только стало очень грустно. Поэтому, когда учительница снова стала объяснять знаками, чтобы я еще раз взял наверх азбуку и позанимался, я покачал головой, не соглашаясь. Она подошла ко мне и стала говорить что-то по-английски, но я, конечно, ничего не понял.

Через несколько дней учительница написала азбуку на большой классной доске и после этого позвала переводчика. С его помощью она заставила нас повторять каждую букву, которую она называла. Учительница говорила «А», потом «Б» и т. д. И мы все повторяли за ней. В первый день мы научились читать и писать первые три буквы алфавита. В тот день и началось по-настоящему наше учение.

Я никак не мог заставить себя учиться и только думал все время о доме. Сколько же времени бледнолицые будут держать нас здесь? Когда же отпустят домой? Дома я мог поесть, когда мне захочется, а здесь мы все время должны были следить за солнцем. А в облачные дни ожидание обеда и ужина было мучительно долгим.

Посредине школьного двора стоял старый дом, в котором устроили для нас столовую. Это было нетрудно сделать: поставили несколько длинных столов, даже не покрыли их скатертью и начали нас там кормить. Кушанье нам обычно раскладывали по тарелкам, и, когда все было готово, раздавался звонок.

Нас никогда не приходилось звать дважды. Мы угадывали по солнцу, когда приближалось время обеда, и играли около самой столовой. Наконец выходила женщина с большим колокольчиком в руках и громко звонила. Тогда мы знали, что время обеда наступило.

Через некоторое время повесили колокол на ореховое дерево вблизи конторы. Звон его раздавался не только перед обедом, завтраком и ужином, но и перед началом занятий.

Один из мальчиков, по имени Эдгард Гроза, любил подшутить над нами: он тихонько подкрадывался к колоколу и начинал звонить еще задолго до обеда. Мы все, конечно, мчались к столовой, но, к нашему удивлению, дверь оказывалась закрытой. Никто из старших даже не попробовал ни разу остановить эти нехорошие шалости, но нам это не нравилось.

НАМ ОБРЕЗАЮТ КОСЫ И ВЫДАЮТ ОДЕЖДУ, КАК У БЛЕДНОЛИЦЫХ

Прошло уже довольно много времени с тех пор, как мы приехали в Карлайлскую школу, но мы все еще носили индейскую одежду, в которой приехали из дому.

Один из заключенных-индейцев усердно учил нас маршировать и очень старался научить нас войти в класс парами. У нескольких из наших мальчиков были привязаны колокольчики к их кожаным чулкам, и это помогало нам ходить в такт.

Потом случилось что-то неожиданное и странное: пришел переводчик и сказал, что нам остригут наши длинные косы. Мы выслушали, что он сказал, но ничего не ответили: над этим нужно было хорошенько подумать.

Большие мальчики собрались, чтобы поговорить и посоветоваться друг с другом. Я очень хорошо помню, как Накпа Кесело, или Роберт Американская Лошадь, произнес целую речь. Он сказал:

– Мне кажется, что для того, чтобы индеец усвоил обычаи бледнолицых, вовсе не надо ему остричь волосы, – я могу это сделать так же хорошо и с длинными волосами.

Мы все сказали в один голос: «Хо!» Это означало, что мы все согласны.

Но все было напрасно. Прошло немного времени, и на территории школы появилось несколько бледнолицых, которые принесли с собой высокие стулья. Переводчик объяснил нам, что эти люди пришли, чтобы обрезать нам волосы. Нам не пришлось проследить, куда они понесли стулья, так как было уже время занятий и мы должны были пройти в класс. Одного большого мальчика по имени Я Сло, или Свистун, не было с нами: он куда-то вдруг исчез. Через некоторое время он вернулся с остриженными волосами. Потом вызвали другого мальчика. Когда он вернулся, у него тоже были острижены волосы. Так нас продолжали вызывать одного за другим.

Наконец очередь дошла до меня. Я прошел в соседнюю комнату, где меня уже ждал парикмахер. Движением руки он предложил мне сесть и затем принялся за свою работу. Когда он срезал мои длинные косы, мне вдруг стало так горько на сердце, что слезы выступили на глазах. Я не помню, заметил ли парикмахер мое волнение. По правде сказать, мне это было безразлично. Я только думал о своих длинных волосах, которых теперь уже не чувствовал на голове.

Я долго не мог успокоиться и о многом передумал. И прежде всего я думал о том, как отнесся бы к нашей школьной жизни и ко всему, что только что произошло, мой отец. Мне всегда очень дорого было его мнение, и хотелось жить и поступать так, как он считал правильным. Однако все наставления, которые я пока от него слышал, сводились к одному: «Мой сын, будь храбрым и умри на поле битвы». Эти назидания отца врезались в мою память очень глубоко, и я твердо решил, что буду следовать им в своей жизни. Мой отец никогда не говорил мне, чтобы я учился обычаям бледнолицых и тем более, чтобы я старался подражать им. Я приехал сюда, на восток, с твердым намерением сражаться и умереть в бою или же совершить какой-нибудь необыкновенный подвиг и тогда только вернуться домой. Но после того как были срезаны мои длинные косы, которые я с гордостью носил по обычаям индейцев, новая мысль закралась мне в голову. Мне стало казаться, что я уже больше не настоящий индеец, а какая-то подделка под бледнолицего: сами же бледнолицые вовсе не были американцами, они были пришельцами и захватчиками. Настоящими американцами были индейцы, потому что Америка была их родиной...

Мы выглядели очень смешными с короткими волосами-нас остригли под машинку, совсем коротко. Мы все еще были одеты по-индейски, но все стали лысыми.

Никто из нас не спал спокойно в ту ночь, на сердце было тяжело. Помню, как я все время просыпался, в полусне трогал свою голову и со слезами забывался в тяжелом сне.

Прошло немного времени, и разнесся слух, что скоро мы получим одежду, как у бледнолицых. И на самом деле через несколько дней приехали фургоны, нагруженные большими ящиками. В этих ящиках, как мы потом узнали, и была одежда для нас.

Мы все сбежались с разных сторон и, сбившись в кучу, с любопытством смотрели, как стали разгружать фургоны и ставить ящики перед самой конторой. Потом с каждого из нас сняли мерку и выдали костюм. Костюмы были серого, мышинового цвета и состояли из

трех вещей: куртки, жилета и брюк. Нам дали также темную шерстяную рубашку и тяжелые деревенские сапоги. До этого времени мы все еще одевались по-индейски: носили мокасины, длинную рубашку и поверх нее одеяло. И когда теперь мы получили одежду бледнолицых, нам казалось, что надо надевать слишком много вещей зараз, хотя нижнего белья у нас до сих пор не было. Получив костюмы, мы тотчас же побежали наверх, чтобы переодеться. К нам на помощь поспешил индеец-заключенный, который отбывал здесь наказание. Костюмы сидели на нас, как мешки, они были велики большинству из нас, но мы этого еще не понимали и только очень радовались тому, что в них было много карманов. Сапоги, которые я получил, были настолько велики, что сваливались с ног, но зато они были со скрипом. Мне очень нравилось, что они так громко скрипят, когда я хожу, и другим мальчикам это тоже доставляло удовольствие. Так мы и ходили взад и вперед по комнате до поздней ночи. Некоторые мальчишки решили не снимать своих новых костюмов и легли спать не раздеваясь.

Когда наступило утро, тем из нас, кто разделся на ночь, пришлось очень трудно, потому что мы забыли, как надо надевать новые костюмы, где они должны застегиваться: одни думали, что спереди, другие уверяли, что сзади. Вот тут-то и помогли нам мальчишки, которые легли спать не раздеваясь.

Только когда наступила зима и стало очень холодно, нам выдали красное фланелевое белье; по цвету оно нам нравилось, но от него чесалось все тело, и было очень неприятно его носить.

ПОЛ ЧЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ

В нашей комнате жил мальчик, по прозвищу Каиси Инъянке, или Непокорный. Его нельзя было назвать плохим мальчиком, но он всегда попадал в какую-нибудь беду. В школе ему дали имя Пол, а так как отца его звали Черный Медведь, то полное имя его было Пол Черный Медведь.

Много пришлось с ним повозиться нашему воспитателю капитану Пратту. Пол всегда играл до самой последней минуты, а потом начинал второпях причесываться и чистить сапоги – все сразу. Как-то в воскресенье Пол вбежал в комнату, где все собрались для осмотра. Вид у него был довольно забавный: причесываясь второпях, он вылил слишком много воды себе на голову, и она текла струйками по его лицу; он успел вычистить только один ботинок, другой у него остался грязным, и Пол не знал, куда деть эту ногу.

Нас учили, что мы должны стоять совсем прямо, как солдаты, когда входит капитан Пратт с врачом и другими членами комиссии. Капитан Пратт прежде всего измерил нас взглядом с головы до ног, посмотрел, хорошо ли мы причесаны, чистые ли у нас костюмы и начищены ли ботинки. Потом он осматривал комнату, проверяя, хорошо ли мы заправили свои постели и не засунули ли чего-нибудь под матрац. Бывало иногда, что он проверял и ящики, в которых мы складывали свою одежду. Он требовал, чтобы все было чисто и в порядке.

Пол Черный Медведь, как всегда, не успел подготовиться к осмотру, и, когда капитан Пратт взглянул на его ноги, Пол попробовал спрятать нечищенный сапог за другой, который он успел вычистить. Не ускользнули также от пытливого взгляда капитана и мокрые волосы Пола, с которых вода струйками текла по лицу. Мы все ждали, что Пол получит выговор, как всегда, но на этот раз капитан Пратт только улыбнулся и сказал Полу, чтобы этого больше не повторялось.

В школе не разрешалось курить, однако Пол никогда не упускал возможности покурить тайком от старших. Однажды, когда мы сидели у костра, он зажег папиросу и затянулся

несколько раз с лихим видом. Но вдруг ему стало плохо, у него закружилась голова, и он упал в обморок. Мы оттащили его от костра и стали отливать водой, пока он не пришел в себя.

СЕРДЦЕ СЕРДЦУ ВЕСТЬ ПОШЛЕТ

Как-то раз наша учительница принесла в класс деревянные тарелки. Она сказала, что эти тарелки надо расписать, и дала нам по ящичку с акварельными красками. Я получил шесть тарелок и с увлечением стал их расписывать. Я вспомнил, как я охотился в лесу за птицами и как мне дали прозвище Меткий Стрелок, и на моей тарелке появился маленький индейский мальчик, пускающий свои стрелы в птиц. Потом я вспомнил охоту на бизонов, и в моем воображении возникла картина, как стрелки нашего племени преследуют стадо встревоженных бизонов. Но особенно ясно вспомнилось мне, как однажды мы с дедушкой отправились на охоту, как он и отец поучали меня и как я убил в девять лет своего первого бизона. Все это я постарался передать в росписи на деревянных тарелках.

Когда я закончил рисовать, я отнес свои тарелки учительнице. Она внимательно посмотрела на мою работу, похвалила меня и скоро куда-то их отправила. Возможно, что и сейчас у кого-нибудь в Америке сохранились деревянные тарелки, на которых красуется роспись индейских детей первого класса Карлайлской школы.

Приблизительно в это время в школу стали прибывать все новые и новые дети разных индейских племен, из разных резерваций. Как я уже говорил, нам не разрешали разговаривать по-индейски, да мы часто и не понимали друг друга, так как каждое племя говорило на своем особом языке; английский же мы знали еще очень плохо, а новенькие совсем его не знали. Не удивительно, что нам было очень трудно объясняться друг с другом. Это-то и заставило нас прилежнее изучать английский язык. Только теперь я стал понимать, что мне придется учиться обычаям бледнолицых, но теперь уже было поздно что-нибудь изменить. Тогда в моей детской голове мелькнула гордая мысль, что я смогу сделаться переводчиком и буду помогать отцу, ведь он совсем не умел разговаривать по-английски. Эта надежда окрылила меня.

Один раз мистер Пратт вызвал к себе нескольких мальчиков, в том числе и меня, и сказал, что каждый из нас должен будет обучаться какому-нибудь ремеслу. Мне он предложил учиться ремеслу жестянщика. Я должен буду стать жестянщиком?! Мне эта работа совсем не нравилась. Но так как не удалось перейти в другие мастерские, то я старательно учился этому ремеслу и сделал много сотен жестяных кружек, кофейников, ковшей. Жестяные изделия нашей работы рассылались по разным резервациям. Когда я закончил учение в школе и вернулся домой, мне это ремесло совсем не пригодилось, так как у индейцев нашего племени было в достаточном количестве жестяной посуды, которую я и другие ученики мастерили во время своего пребывания в Карлайле.

Итак, по утрам я ходил в мастерскую, днем посещал занятия в школе. Я пробовал несколько раз оставить свое ремесло, чтобы иметь возможность учиться в школе с утра до вечера. Но капитан Пратт на это отвечал мне лаконично:

– Нет, ты должен ходить в мастерскую, и все. Не будем больше на эту тему разговаривать.

При таком распорядке дня мои школьные занятия очень страдали, к тому же много времени пропадало напрасно. Я подсчитал, что по-настоящему я учился в школе всего лишь полтора года из четырех лет моей школьной жизни. И я не мог продолжать свое учение дальше, так как капитан Пратт дал обязательство нашим родителям после определенного срока отослать нас, детей, домой.

В одно воскресенье в нижнем этаже школьного здания поднялось какое-то волнение. Один из мальчиков стремглав примчался к нам наверх и закричал:

– Лютера Отважного Медведя отец приехал!

Тогда все бросились вниз, чтобы посмотреть на моего отца. Несмотря на то, что в то время в нашей школе были дети разных индейских племен, многие из них уже слыхали о моем отце.

Когда я сбежал вниз, то увидел своего отца, окруженного большой толпой мальчиков, которые наперебой старались поздороваться с ним за руку. Мне стоило больших усилий пробраться к отцу.

Как радостна была эта встреча! Только беда была в том, что нам строго-настроено запретили говорить в школе по-индейски. И вот передо мной стоял отец, который говорил только на родном языке и ни слова не знал по-английски.

Я сейчас же написал записочку капитану Пратту такого содержания:

«Мой отец приехал. Разрешите мне, пожалуйста, разговаривать с ним на родном языке сиу».

Капитан Пратт ответил мне:

«Хорошо, мой мальчик. Приведи твоего отца ко мне».

Это был счастливый день для меня. Своим отцом я очень гордился, и мне было приятно, что он был хорошо одет, на нем был серый европейский костюм, а на голове – фетровая шляпа, но по индейскому обычаю он все еще носил длинные волосы, заплетенные в две косы.

УЧИТЬСЯ, МОЙ СЫН!

Капитан Пратт встретил отца приветливо и сейчас же устроил его в комнате с Робертом Американская Лошадь, одним из старших мальчиков, чтобы отец мог отдохнуть с дороги; он разрешил всем ученикам разговаривать с отцом по-индейски, а это было для всех большой радостью.

Капитан Пратт был очень внимателен к моему отцу и предложил ему проехаться вместе, чтобы посмотреть большие города бледнолицых, построенные на востоке Америки. Они побывали в Бостоне, Нью-Йорке, Балтиморе, Филадельфии и Вашингтоне. Я не сопровождал отца, так как роль переводчика исполнял Стефан Морен – метис, который был их спутником.

Когда отец вернулся из этого путешествия, он сказал мне следующее:

– Мой сын, после того как я видел все эти большие города и посмотрел, как живут Большие Ножи, я понял, что наше кочевье, наши леса и равнины, где паслись бесчисленные стада бизонов, – все это кануло в вечность и никогда больше не вернется. Ты не встретишь в этих городах никого, кроме Больших Ножей, и количество их растет так же быстро, как размножаются мухи. Нам надо будет познакомиться с обычаями Больших Ножей, так как, вероятно, придется жить с ними. Учись, мой сын, прилежно, чтобы получить как можно больше знаний.

Впервые я услышал от отца такие советы, никогда он еще не говорил мне, что нужно учиться у бледнолицых.

Потом он сказал:

– Я надеюсь, что настанет день, когда я услышу, что ты говоришь на языке бледнолицых и будешь работать не хуже, чем они.

Отец произнес эти слова на родном языке сиу. Говорил он со мной очень серьезно, как со взрослым, и я гордился этим. Мне всегда были дороги его советы, и я даже готов был умереть на поле битвы, следуя его наставлениям. Не забывайте, что мой отец был индейский вождь.

Но теперь он увидел так много бледнолицых и понял, что старое доброе время, когда индейцы жили привольной жизнью, прошло и никогда больше не вернется. Мой отец был очень умным человеком, хотя он за всю свою жизнь и ни одного дня не учился в школе. Но где бы он ни был, он всегда получал новые знания, учаась у самой жизни.

Отец уже собрался в обратный путь, когда капитан Пратт пришел к нему и попросил взять с собой одного мальчика нашего племени, который совсем не хотел учиться; его нужно было отвезти домой к родителям.

Но отец сказал:

– Нет, я не согласен. Вы ведь привезли его сюда, чтобы учить, почему же вы не делаете этого?

Тогда капитан Пратт стал уверять отца, что все его усилия и усилия других учителей научить этого мальчика чему-нибудь оказались безуспешными, так как он не проявил никакого желания учиться, и они вынуждены вернуть его в семью.

Наконец отец согласился. Капитан Пратт разрешил мне и нескольким моим товарищам проводить отца и мальчика на вокзал.

Распрощавшись с отцом, я вернулся в школу с твердым намерением учиться как можно прилежнее и не останавливаться ни перед какими трудностями.

КРАПЧАТЫЙ ХВОСТ

Вскоре после отъезда отца на территории нашей школы появился Крапчатый Хвост-один из вождей нашего племени. Капитан Пратт показал ему школу и рассказал через переводчика, как обучаются и воспитываются индейские дети. Крапчатому Хвосту не понравились порядки школы, и он сказал, что хочет забрать своих детей и отвезти их домой. Так он и сделал.

Вскоре после этого, в начале 1881 года, к нам в школу долетела весть о том, что Крапчатый Хвост убит. Конечно, никто из нас не сомневался в том, что его убили Большие Ножи, и мы снова стали думать о войне с бледнолицыми. Большие мальчики сказали нам:

– Если индейцы вышли на военную тропу, ни одного из нас не останется в живых. Мы все погибнем от руки бледнолицых тут же, в этой школе.

Как ни странно, но эта судьба не пугала меня. Мне уже давно хотелось пасть жертвой в сражении, что я и обещал своим родным, уезжая из дому.

Однако скоро мы узнали, что Крапчатый Хвост погиб не от руки бледнолицего. Мы узнали, что его убил индеец, по имени Черная Собака. Здесь следует напомнить читателю, что Крапчатый Хвост по непонятным для других индейцев причинам пользовался доверием и покровительством вашингтонского правительства, от которого он получил двухэтажный дом, экипаж для личного пользования и другие подарки. Но шила в мешке не утаишь. Скоро стало известно, что Крапчатый Хвост продал колонизаторам кусок

земли в Северной Небраске без ведома и согласия индейских вождей. Земля эта не принадлежала ему, а была охотничьим участком всех индейцев племени сиу. Несколько вождей порывались убить изменника тогда же, но мой отец удержал их.

Крапчатый Хвост увидел, что никто не мешает ему, решил, что все его боятся и что он может делать все, что только ему вздумается. Он стал держать себя очень вызывающе и ни с чем не считался. Так, например, он похитил жену у одного индейца-калеки. Этот поступок был слишком наглый, чтобы оставить его незамеченным. Созвали совет вождей. Все знали, что калеке очень тяжело без жены. Совет выбрал индейца, которому поручил пойти к Крапчатому Хвосту и сказать ему имени Совета вождей, чтобы он вернул чужую жену ее больному мужу. Крапчатый Хвост ответил очень вызывающе:

– Я не отпущу эту женщину домой, так и скажите вождям. Я буду поступать так, как мне вздумается. Правительство бледнолицых всегда поддержит меня – они мои друзья.

Посланный вернулся и передал вождям то, что сказал Крапчатый Хвост. Вожди решили, что они не позволят Крапчатому Хвосту расшатывать моральные устои их племени.

Снова был созван Совет вождей, на этот раз для того, чтобы выбрать делегатов и послать для переговоров в Вашингтон.

Крапчатый Хвост должен был тоже присутствовать на Совете. Несколько вождей только ждали случая, чтобы убить его. Черная Собака опередил всех. Он лег на дорогу, на которой должен был ехать Крапчатый Хвост, и, когда тот подъехал в экипаже со своей женой, Черная Собака набросил на него одеяло и убил его тут же на месте.

Кара постигла человека, который продал землю своего народа без его ведома и согласия, человека, который хотел установить дружественные отношения с колонизаторами и в то же время скрывал от одноплеменников свое двурушничество.

Крапчатый Хвост был изменником по отношению к своему народу. Бесчестные поступки никогда не приносят человеку счастья.

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Мы начали изучать географию. Этот предмет был для нас настоящей головоломкой. У наших индейцев было представление, что земля плоская и четырехугольная, мы усвоили это представление с детства. Но учительница наша сказала нам, что земля круглая и что она не стоит неподвижно, но все время вращается вокруг своей оси и что этим и объясняется смена дня и ночи. Земля вращается также и вокруг солнца, поэтому зима сменяется весной, весна – летом и т. д. Учительница принесла в класс глобус, и это помогло ей объяснить нам движение земли.

После того как окончился урок географии, мы, мальчики, собрались все вместе, чтобы обсудить то, что мы слышали. Мы никак не могли поверить рассказам учительницы о том, что земля вращается вокруг своей оси и что она делает полный оборот. И мы думали, как же это мы можем устоять на ногах, если земля вертится? Если это так, то нам, наверное, пришлось бы стоять не только на ногах, но и на голове.

Как-то раз к нам в класс пришел астроном и провел беседу. Он сказал нам, что в следующую среду в двенадцать часов ночи будет затмение луны. Нас это очень рассмешило, и мы долго смеялись и никак не могли успокоиться. И, конечно, не поверили ни одному слову этих странных рассказов. Тем не менее, когда наступила среда, нас начало разбирать любопытство и захотелось проверить, правду ли говорил этот человек. Нам даже разрешили не ложиться спать в обычное время, чтобы иметь возможность

наблюдать луну в полночь. И на самом деле произошло затмение луны. После этого мы стали верить всему, что нам говорили учителя на уроках географии или астрономии.

ПРО НАШУ ЖИЗНЬ

Был у нас мальчик, по имени Вика Карпа. Как-то утром он почувствовал себя нехорошо и сказал, что ему не хочется идти в школу, что лучше он останется в общежитии и будет рисовать. Мальчик не смог как следует объяснить, что с ним, но ему все-таки разрешили не идти на уроки. На следующий день он сказал, что заболел, и опять не пошел в школу. На третий день утром он умер. Вполне понятно, что убитый горем отец – вождь Грозовая Туча – не мог примириться с тем, что никто не побеспокоился известить его о болезни сына, случайно заехал он в школу по пути в Вашингтон, куда его вызвали по делам резервации. Отец просил, чтобы тело покойного сына отправили домой; но, если школьная администрация не сможет этого сделать, он просил поставить надгробный камень над могилой сына. Ни то, ни другое не было сделано.

Трагедию нашей жизни на чужбине никто из окружающих, казалось, не замечал или не хотел понять. Нам приходилось очень напряженно учиться, узнавать так много нового – того, с чем мы совсем не были знакомы, – что нервная система перенапрягалась до предела, и это подтачивало наше здоровье. Когда кто-нибудь из наших мальчиков заболел, никто не мог ему помочь, потому что никто из окружающих в этом ничего не понимал. Вика Карпа заболел, он сам этого не знал; он сказал только, что ему не хочется идти в школу. Через два дня его уже не стало с нами. Отец не верил, что он так скоропостижно умер, так как дома он был здоровым мальчиком.

Когда Грозовая Туча вернулся из Вашингтона в Дакоту, он сказал индейцам сиу, что президент назначил его старшим вождем при агентстве Розбад.

Узнав об этом, сын Крапчатого Хвоста очень рассердился, так как он надеялся занять место своего отца. Недолго думая, он отправился вместе с двумя товарищами – Буревестником и Длинной Тыквой – к типи Грозовой Тучи; он выждал момент, когда его не было дома, и увез его жену. Когда Грозовая Туча вернулся, он очень рассердился и решил отомстить; отправился к типи сына Крапчатого Хвоста, увез его жену, а также захватил с собой его лучших лошадей. Вернувшись в свой лагерь, вождь привязал лошадей впереди своего типи. По индейскому обычаю это был открытый вызов сыну Крапчатого Хвоста, и тот должен был забрать обратно своих лошадей, если только у него хватит на это мужества.

На рассвете следующего дня сын Крапчатого Хвоста с двумя товарищами отправился в лагерь Грозовой Тучи и спрятался в кустах. Прошло немного времени, и Грозовая Туча вышел из своего типи с одеялом на плечах. Пуля противника сразила его насмерть.

Младший брат Грозовой Тучи был в это время дома. Услышав выстрел, он выбежал из типи с ружьем наготове, бросился вдогонку за Длинной Тыквой и ранил его в ноги. Два других противника убежали, а Длинная Тыква хромотает до сих пор.

Подобные новости, хотя и с большим опозданием, но все время проникали к нам в школу. Оторванные от семьи, от своего народа, окруженные со всех сторон бледнолицыми, мы чувствовали себя словно в ловушке, и нам казалось, что, начнись только где-нибудь волнение среди индейцев, ни одного из нас не останется в живых... Но мы всегда были готовы к смерти.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ НОВОСТЬ

Каждую субботу мы собирались в часовне. Сначала нам читали молитву, а потом говорили о школьных делах. На одном из таких собраний капитан Пратт сказал нам:

– Девушки и юноши, школа посылала многих из вас работать на фермы, и вы хорошо выполняли ваши обязанности. Теперь же мне прислали запрос на такую работу, которую еще никто из вас не делал. Я получил письмо из Филадельфии от директора универсального магазина. Он пишет, что ему хотелось бы иметь двух юношей индейцев на должность продавцов. Нам надо будет послать двух самых лучших парней из всех учеников нашей школы. В следующую субботу приблизительно в это время я смогу вам сказать, на ком остановился наш выбор.

Такое необыкновенное сообщение мистера Пратта взволновало нас всех. Каждый высказал свое соображение, стараясь угадать, кого пошлют в Филадельфию. Много было споров по этому поводу. Один из мальчиков предложил держать пари. Я вынул из кармана 14 центов, все мое состояние в тот момент, и поспорил, что пошлют Роберта Стюарта – метиса племени Крик. Это был очень красивый и воспитанный юноша, он был старше нас всех; его привезли в эту школу еще до того, как мы, ребята из племени сиу, попали сюда.

Суббота пришла наконец. Взволнованные, мы поторопились в часовню, где, как я уже говорил, обычно происходили наши собрания. Я почти не сомневался, что выиграл 14 центов, так как считал, что Роберт Стюарт будет очень подходящим парнем для того, чтобы работать в Филадельфии.

Капитан Пратт выступил перед нами с такой речью:

– Юноши и девушки! Я знаю, что вам очень хочется узнать, кто же эти два юноши, которых мы пошлем работать в Филадельфию. Пока мы остановились только на одном, и я хочу, чтобы вы увидели его. Сейчас я попрошу его подойти ко мне.

Капитан Пратт замолчал на несколько секунд, потом снова раздался его голос:

– Лютер Отважный Медведь, подойди-ка сюда. Я сидел далеко позади, и когда я стал пробираться вперед, то заметил, как все взгляды устремились на меня, и мне казалось, что мои ноги не касались земли.

Когда я поднялся на возвышение и очутился лицом к лицу с собравшимися ребятами, все захлопали в ладоши. Я выпрямился, помня наставления капитана Пратта. Он положил мне на плечо руку и сказал:

– Лютер, ты уедешь от нас для того, чтобы работать на пользу твоего народа. Поезжай и сделай все, что ты только можешь. Большинство из бледнолицых думает, что все индейцы лентяи и ни для чего не годны; что они не умеют работать и не способны чему-либо научиться; что они очень грязные. Ты же должен доказать, что люди с красной кожей могут учиться и работать так же хорошо, как и те, у кого белая кожа. И если тебе дадут работу чистильщика сапог, смотри, чтобы сапоги, которые ты будешь чистить, блестели, тогда, может быть, тебе дадут лучшую работу. Если тебя назначат уборщиком конторы, не забывай вытирать пыль под стульями и по углам, тогда у тебя будет надежда получить работу поинтереснее.

Я слушал, стоя неподвижно, как статуя, но масса мыслей промелькнула у меня в голове. Учитель продолжал:

– Ты должен стараться изо всех сил, Лютер. Поезжай, мой друг, и сделай все, что в твоих силах. Умри там, если нужно будет, но не сдавайся.

Если бы меня попросили произнести речь, это было бы бесполезно. Я не мог в тот момент произнести ни одного слова. Я вовсе не чувствовал себя храбрым и каждую минуту мог

разрыдаться. Если бы я не любил свой народ, я бы не волновался. Но при одной только мысли, что я должен работать на благо наших индейцев, на глазах у меня навертывались слезы. Не забывайте, мне было тогда всего лишь тринадцать лет.

В ФИЛАДЕЛЬФИЮ НА РАБОТУ

Когда мы вышли из часовни и направились к общежитию, все только и говорили о предстоящей моей поездке в Филадельфию. Одни радовались за меня, другие завидовали. Я не знаю, задумывался ли кто-нибудь из ребят над тем, что мне предстоит очень трудная, очень ответственная работа:

мне нужно будет поднять мой народ в глазах другого народа, правители которого всячески угнетали индейцев.

Я пошел в свою комнату ложиться спать, но заснуть я долго не мог.

На следующий день меня ни на минуту не оставляла мысль о том, что я должен буду доказать всем бледнолицым, что индейцы могут учиться и работать так же хорошо, как и люди с бледной кожей.

Через три дня капитан позвал меня в свой кабинет.

– Лютер, – сказал он мне, – есть ли у тебя здесь кто-нибудь из родных или товарищей, с кем бы тебе хотелось поехать вместе в Филадельфию? Мне кажется, что лучше будет, если этот выбор мы, педагоги, предоставим тебе, мы до сих пор не смогли согласовать этот вопрос между собой.

Выйдя из комнаты, я стал думать, с кем же из товарищей мне будет приятно поехать. Был в нашей школе мальчик из резервации Пайн Ридж, его звали Кларенс Три Звезды. Хотя он был моим дальним родственником, дома я его не знал, так как мы жили в разных резервациях. Я привязался к нему за время нашего пребывания в школе, и мы стали друзьями, несмотря на то, что не все его поступки я оправдывал. За последние годы он стал очень прилежным, учился хорошо и даже остался в школе сверх условленного с родителями срока.

Я разыскал его и сказал:

– Хочешь ли ты поехать со мной в Филадельфию на работу? Капитан Пратт предоставил мне самому выбрать товарища, с которым мне приятно было бы туда поехать.

– Ну, конечно, я поеду с тобой, Лютер, – сказал он мне, ни минуты не колеблясь и не сомневаясь.

– Нет, – возразил я ему, – ты все-таки подумай получше, а потом дашь мне ответ. Я подожду до вечера.

В тот вечер мы снова встретились с Кларенсом, и, когда я его спросил, не изменил ли он своего решения, он ответил с удивлением:

– Что ты! Я еду.

После этого я доложил капитану Пратту, что мой выбор остановился на Кларенсе Три Звезды.

Наконец день отъезда настал. Не раз мне приходила в голову мысль, что капитан Пратт не рассчитывал для нас на большее, чем на работу чистильщика сапог или же уборщика; я же в душе надеялся, что найдется для нас что-нибудь и получше.

Прощаясь, капитан Пратт сказал нам:

– Если управляющий спросит вас, что вы умеете делать, отвечайте, что согласны попробовать свои силы на любой работе.

Он пожал нам на прощание руку, и мы расстались.

Мы поехали не одни, нас сопровождали врач и миссис Эджин, наша учительница. Когда мы приехали в Филадельфию и вышли из поезда, то узнали, что большой универсальный магазин был тут же, недалеко от вокзала. Каким он нам показался огромным! Мы никогда еще не видели такого большого здания.

Мы вошли все вместе, и наша учительница спросила кого-то, где находится контора директора магазина. Скоро мы познакомились с директором, он поздоровался с нами за руку. Потом он повернулся ко мне и спросил:

– Чем могу быть вам полезным, молодой человек?

Тут я вспомнил наставления капитана Пратта и сказал, что приехал сюда для того, чтобы работать, и готов делать все, что мне скажут.

Тогда директор нажал кнопку звонка. Дверь отворилась, и вошел мальчик.

– Позови сюда мистера Уокера, – распорядился директор.

Появился мистер Уокер.

Директор познакомил меня с ним и предложил ему взять меня в свой отдел на работу.

Я попрощался с Кларенсом, с учительницей и школьным врачом и последовал за своим новым начальником в подвальное помещение, где находился склад. Здесь меня представили мистеру Пиру, который был начальником отдела учета. Под его личным руководством я должен был теперь работать.

Мистер Пир сказал, что моя работа будет состоять в том, что я буду отмечать по списку товары, которые он будет называть мне.

Я начал работать. Рабочий открывал ящик с товарами и передавал его мистеру Пиру, тот рассматривал содержимое ящиков и давал мне копию накладной, по которой я и должен был проверять товары. В этой работе требовалась быстрота действий и внимательная сосредоточенность. Целый день на склад поступали ящики с товарами; каждый ящик нужно было открыть и проверить. Все товары, которые присылались в магазин, проходили прежде всего через наши руки. Мы приклеивали или привязывали к ним этикетки с ценой.

Я очень старался, чтобы ничего не перепутать, и так сосредоточенно работал, что даже ни разу не подумал о том, где ж мы будем с Кларенсом ночевать. А было над чем задуматься, ведь мы приехали в город, где жили одни бледнолицые и индейцам трудно было рассчитывать на их гостеприимство.

Когда кончился рабочий день и я вышел из подвала, где трудился весь день, в дверях меня встретил наш школьный врач, доктор Гивенс. Оказывается, после долгих поисков ему, наконец, удалось устроить нас в общежитии, где помещались дети погибших на войне солдат.

Итак, мы с Кларенсом очутились среди бледнолицей молодежи, но привыкнуть к их образу жизни мы не могли. Каждое утро к дверям общежития подавали дилижанс, чтобы отвезти молодых людей на место их работы. Нам также предложили ездить вместе с ними. Сначала я было воспользовался этим приглашением, но через несколько дней отказался – я не мог привыкнуть к грубому языку и ругательствам, которые приходилось здесь слышать. Я предпочел ездить на трамвае. Как ни странно, но ведь эти юноши принадлежали к цивилизованному обществу. Их воспитывали и обучали в школах, где работали опытные педагоги, и, несмотря на это, они употребляли такие отвратительные

слова и были так грубы в своих выражениях, что не хотелось слушать их разговоры. То же отравляло мне существование и на работе, я никак не мог привыкнуть к сквернословью, которое так часто раздавалось в нашем подвале. И, несмотря на это, справедливости ради я должен сказать, что в то время ругань была гораздо меньше распространена среди колонизаторов, чем теперь, почти полвека спустя, когда я пишу эти строки.

КЛАРЕНС ТРИ ЗВЕЗДЫ ЗАТОСКОВАЛ

Прошло немного времени, и я заметил, что Кларенс Три Звезды что-то затосковал. Я спросил его, в чем дело. Он мне ответил, что ему не нравится его работа. Кларенс выполнял скромную работу на первом этаже магазина.

– Лютер, – сказал он мне, – не нравится мне эта работа. Я должен пройти через все отделы, пока не соберу купленные товары, чтобы отнести их в отдел доставки на дом. Ты подумай только, каждый раз, когда я захожу за прилавок, все продавцы, обращаясь ко мне, говорят: «Индеец!» Мне это не нравится, это раздражает меня.

– Но ведь ты же индеец, мой друг, – ответил я ему, – не так ли?

– Так-то оно так, но все равно мне здесь нехорошо. Я хочу написать капитану Пратту, чтобы он разрешил мне приехать назад в школу.

– Не делай этого! – воскликнул я. – Вспомни только, как он говорил с нами. Ведь ты же сам захотел поехать со мной в этот город?

– Ну и пусть! Все равно я не смогу привыкнуть к этой работе, мне здесь нехорошо, – повторял он. – Я напишу капитану.

И Кларенс написал.

От капитана Пратта скоро пришло письмо, в котором он уговаривал Кларенса употребить все усилия и остаться на работе во что бы то ни стало.

Кларенс прочел это письмо и сказал мне:

– Ну что же, если капитан Пратт не хочет меня видеть в школе, я поеду домой, в резервацию.

Я употребил все свое красноречие, чтобы уговорить товарища остаться в Филадельфии на работе. Но все было напрасно. Он был непоколебим в своем решении, и казалось, что ему все было безразлично, даже честь индейского народа. Мы ведь приехали сюда для того, чтобы доказать, что индейцы могут работать не хуже бледнолицых.

Скоро Кларенс собрал свои вещи и отправился в обратный путь, в резервацию Пайн Ридж. Он не остановился ни на час в Карлайле, чтобы попрощаться с товарищами и капитаном Праттом, который долго еще не знал, что Кларенс ушел с работы и уехал домой.

Я ПРОДОЛЖАЮ РАБОТАТЬ

Распрощавшись с товарищем, я был теперь еще более твердо, чем раньше, уверен в том, что мне необходимо остаться и добиться успеха в работе. И тем усерднее я стал трудиться, чтобы доказать бледнолицым колонизаторам Америки, что не у всех индейцев не хватает настойчивости в работе, не все бросают ее на полпути. Я быстро усваивал то, чему меня учили, и в конце концов получил работу более интересную. Вот как все произошло.

Меня позвали на первый этаж, где я увидел маленький стеклянный домик. Мистер Уокер открыл дверцу и пригласил меня войти туда. Там стояло несколько сундуков с драгоценными вещами.

Мистер Уокер сказал мне, что теперь моею обязанностью будет прикреплять этикетки с ценой к драгоценным вещам.

Каждый день меня запирали в стеклянный домик. Там я открывал сундук, вынимал драгоценности и привешивал к ним этикетки с ценой.

Если бы вы только видели, какие толпы бледнолицых собирались здесь! И как они удивлялись тому, что мне, индейскому мальчику, доверяют такие ценные вещи. В то время у американских колонизаторов было представление, что индеец украдет все, к чему только прикоснется его руки. Это отношение к индейцам осталось и до сегодняшнего дня у большинства бледнолицых.

Скоро меня перевели на другую, более высокооплачиваемую работу. Меня зачислили на работу в бухгалтерию. Мне не особенно нравилась эта работа, потому что меня усадили между двумя девушками, и я очень смущался. И почему-то мне казалось, что они все время говорят обо мне за моей спиной и обсуждают все, что я делаю. Возможно, они думали, что я ношу нож за поясом, чтобы снимать скальпы, или воображали, что я не расстанусь с томагавком?

ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ

Как-то вечером, возвращаясь с работы, я купил газету и прочел в ней объявление, которое сильно взволновало меня. Я прочел, что Сидячий Бык, знаменитый вождь племени сиу, должен выступить на подмостках одного из местных театров. В газете было напечатано, что это тот самый индеец, который убил генерала Кастера. Это была наглая ложь, читатель уже знает из рассказа моего отца, что генерал Кастер покончил жизнь самоубийством. Далее в газете говорилось, что этого вождя вместе с его людьми держали все время под стражей, как военнопленных, и вот теперь он должен появиться на эстраде филладельфийского театра!

Я решил обязательно пойти, чтобы услышать, что скажет сам Сидячий Бык, и узнать, какими судьбами он очутился в Филадельфии – так далеко на востоке.

Заплатив за билет пятьдесят центов, я вошел в театр.

Сцена была украшена индейскими вышивками и рисунками с эмблемами, характерными для нашего племени. Посреди сцены сидели Сидячий Бык и рядом с ним еще трое индейцев. Тут же были две индейские женщины и двое детишек. Из-за занавеса появился бледнолицый человек. Он представил публике Сидячего Быка и развязно солгал, что это тот самый знаменитый вождь, который убил генерала Кастера.

Сидячий Бык встал и обратился к публике на языке сиу – он совсем не умел говорить по-английски.

– Мои друзья бледнолицые, – сказал он, – мы здесь у вас проездом. Мы направляемся в Вашингтон, чтобы повидаться с президентом Соединенных Штатов. Я вижу кругом так много вас, бледнолицых людей, и с интересом смотрю и наблюдаю, как вы живете и работаете. Прошло то время, когда мы выходили на военную тропу и воевали с вами. Исчезли все бизоны, так же как и многие другие дикие звери, которые водились в наших лесах и прериях. Я надеюсь, что наши дети познакомятся с обычаями вашего народа и научатся у вас работать. Скоро я буду в Вашингтоне и пожму руку президенту и скажу ему обо всем, что нас так волнует.

Сидячий Бык замолчал, а потом сел. Он ни разу не упомянул имени генерала Кастера и ни слова о нем не сказал.

Тогда снова перед публикой появился бледнолицый человек – тот, который только что оклеветал индейского вождя. Очень нагло и развязно он предложил перевести то, что сказал Сидячий Бык. И он начал рассказывать зрителям про битву, которая произошла между отрядом генерала Кастера и индейцами нашего племени. Его слова были лживы от начала до конца. Он говорил о том, как хорошо были вооружены и подготовлены к битве индейцы сиу – на самом же деле они не ждали столкновения и не были подготовлены к битве; как сиу первые напали на отряд генерала Кастера и перебили всех солдат – на самом же деле солдаты генерала Кастера напали на индейский поселок и убили индейского мальчика. И только потом индейцы вышли на военную тропу. В заключение бледнолицый так же развязно заявил, что все, кто хочет пожать руку Сидячему Быку, пусть становятся в очередь, если им интересно познакомиться с индейским вождем, который убил генерала Кастера.

Все присутствовавшие в зале встали в очередь, приняв, по-видимому, за чистую правду ту ложь, которую им говорил бледнолицый человек с эстрады.

А я сидел, забившись в угол, и недоумевал: что же это тут происходит? Выходит, все эти люди довольны, что убили их генерала?

Потом и я присоединился к очереди. Я заметил, как одна из индеанок следила за мной со сцены. Я видел, как она улыбнулась мне, когда я еще сидел в зрительном зале. А когда я приблизился к эстраде, она схватила меня за руку, не зная, что сказать мне, не будучи, по-видимому, уверенной, что я пойму ее. Потом она обратилась ко мне на языке сиу.

«Нийе осни тона леси», – что в переводе значило: «Сколько холодов ты здесь пробыл?»

Я ей ответил на родном языке:

– Зимой здесь так много холодов, что я, право, не могу сосчитать, сколько их всего было.

Здесь получилась игра слов, потому что на языке сиу слово «холод» употребляется так же для обозначения зимы. Женщина поняла мою шутку и рассмеялась. Потом она спросила меня, кто мой отец. Я ей ответил:

– Мато Нажин – Отважный Медведь из резервации Розбад.

– О! – воскликнула женщина. – Значит, ты мой племянник!

Тогда она подозвала Сидячего Быка – он был ее брат – и сказала:

– Посмотри, кто здесь!

Сидячий Бык сердечно приветствовал меня. Все это произвело сенсацию среди бледнолицых, и они недоумевали: почему индейцы столпились около одного юноши, забыв совсем про остальных зрителей, которые хотели их приветствовать? Мне кажется, что они приняли меня за бледнолицего, потому что за время моей работы в универсальном магазине у меня очень посветлела кожа.

В это время на сцене снова появился бледнолицый, который оклеветал нашего вождя. Он пришел посмотреть, в чем дело и почему индейцы не принимают рукопожатия от публики. Сидячий Бык отступил назад, чтобы пропустить его вперед, повернулся ко мне и сказал по-индейски:

– Скажи этому бледнолицему, что мы хотим, чтобы ты поехал вместе с нами в отель, и там мы все вместе поужинаем.

Я перевел на английский язык то, что мне сказал Сидячий Бык, и получил разрешение поехать со всеми в отель.

Тогда индейцы стали быстро укладывать свои вещи, украшавшие сцену театра, спеша вернуться в гостиницу, где они надеялись поговорить по душам со мной – ведь я понимал их язык и горе.

Когда мы приехали в гостиницу, Сидячий Бык сказал мне, что он скоро будет в Вашингтоне и повидается там с президентом. Потом он добавил:

– Индейцы теперь не могут больше жить, как в доброе старое время: нет больше бизонов, нет охоты, от индейской жизни уже ничего не осталось. Я хочу, чтобы наши дети учились у бледнолицых, и это я скажу президенту.

Сидячий Бык спросил меня, далеко ли осталось до Вашингтона и в каком направлении он находится. Я ответил ему, что Вашингтон лежит в той стороне, где солнце садится, а что мы находимся на большом расстоянии оттуда, в стороне, где встает солнце. Сидячий Бык очень удивился и сказал:

– Неужели это так? Тогда мы, вероятно, миновали Вашингтон?

Я не возражал.

В это время вошел бледнолицый, и Сидячий Бык снова обратился ко мне:

– Спроси этого человека, когда мы поедем домой.

Бледнолицый просил перевести вождю следующее:

– Вы поедете домой скоро и по пути заедете в Вашингтон.

Этот лгун оставался все время в комнате с нами, и я не имел возможности сказать Сидячему Быку, как бессовестно он оклеветал его перед зрителями.

Я в последний раз видел Сидячего Быка. Скоро его жизнь оборвалась...¹⁰

Теперь, когда я вспоминаю эту печальную историю, я недоумеваю: что за человек был тот агент, который отпустил индейцев с территории резервации, не послав с ними хотя бы одного переводчика? И кто был этот низкий человек, который все время обманывал индейцев, обещая им поездку в Вашингтон, свидание с президентом, а вместо этого возил их по другим городам и зарабатывал деньги наглай клеветой о том, что якобы Сидячий Бык убил генерала Кастера?

В то время я был еще слишком юн, чтобы понять всю трагичность этой истории.

Несколько недель спустя на гастроли в Филадельфию приехала труппа артистов. С ними было несколько человек индейцев племени сиу.

Я поспешил в театр, чтобы встретиться со своими соотечественниками. Одно из индейцев звали Храбрый Лось. С индейцами были жены и несколько детей. Они выступали в небольшом зале театра. Я стал сбоку у самой сцены и долго смотрел на них. Но они меня не заметили.

Дети протягивали публике небольшой ящик, и зрители опускали туда монеты. Я заметил, что толстый шнур протянут поперек зала перед сценой. Я поднял шнур и прошел к подмосткам. Один из индейцев сказал другому:

– Посмотри-ка на этого бледнолицего парня, он идет сюда.

¹⁰ Сидячий Бык, один из замечательных вождей индейцев сиу, был предательски убит в ночь на 15 декабря 1891 года в своей хижине пулей наемника колонизаторов. Но память о нем жива. На Американской выставке в Москве в 1959 году его портрет висел среди портретов знаменитых людей Америки. (Прим. перев.)

Я поднялся на подмости и стал здороваться за руку со всеми присутствующими индейцами. Мне кажется, что они подумали про себя: «Вот глупый парень, он хочет обратить на себя внимание».

Тогда я заговорил с ними на языке сиу.

Я сказал:

– Я узнаю всех вас, друзья, хотя вы меня и не узнаете. Вы ведь все из резервации Розбад, откуда и я.

Тогда одна из женщин воскликнула:

– О, да ведь это же сын Отважного Медведя!

Как они обрадовались все, узнав меня! Они обнимали меня и не выпускали из своих объятий, и я вспомнил такую же сердечную встречу, которую мне устроили здесь индейцы Сидячего Быка.

Храбрый Лось был очень болен и просил меня передать бледнолицему антрепренеру, чтобы тот отпустил его домой.

Бледнолицый ответил, что они все вернутся в резервацию, как только окончатся спектакли в Филадельфии. Я был последним из нашего племени, кто видел Храброго Лося и говорил с ним. На следующий день ему стало так плохо, что его отвезли в больницу.

Труппа бледнолицых артистов вместе с индейцами поехала на гастроли в Нью-Йорк. Никто больше не видел Храброго Лося. До сегодняшнего дня никто не знает, что с ним стало. О его смерти нигде не было объявлено. Никто из родных не мог найти больницу, в которую его поместили, его бедной старушке жене пришлось одной вернуться домой.

Такова была горькая доля наших отважных вождей: Сидячего Быка и Храброго Лося. С грустью вспоминаю я эти последние встречи.

НА РОДИНУ

Девушка, которая работала рядом со мной в бухгалтерии универсального магазина, ушла с этой работы и стала преподавать в школе. Каждое воскресенье мы встречались с ней, и она любила читать мне вслух. Мне она очень нравилась, но я ей ни разу об этом не сказал.

Наступили школьные летние каникулы, и общежитие, в котором я жил, должно было закрыться на лето, так как учащаяся молодежь разъезжалась в разные стороны.

Я написал капитану Пратту, что очутился без квартиры, и спрашивал его совета, что делать. Скоро на мое имя пришло письмо, в котором капитан приглашал меня приехать в Карлайл и провести там лето. Но мне захотелось продолжать работу в универсальном магазине, и я ответил капитану Пратту, что постараюсь отыскать квартиру, с тем чтобы остаться в Филадельфии на работе.

Я употребил все усилия, чтобы найти себе приличную комнату или просто койку в хорошей семье. Но все было напрасно. Бывало, что попадалась подходящая комната, и я пробовал договариваться, но как только люди узнавали, что я индеец, они смотрели на меня с удивлением и сейчас же отказывали.

– Нет, нет, поищите где-нибудь в другом месте, индейцев мы не пускаем к себе в дом. – Вот ответ, который я постоянно слышал. Ничего больше не оставалось, как воспользоваться разрешением капитана Пратта провести лето в Карлайле. Но когда я приехал туда, то оказалось, что занятий в школе не было, все ученики были разосланы в разные стороны на работу.

Не находя для себя интересных занятий, не имея возможности перекинуться словом с кем-нибудь из своих, я стал тосковать и попросил капитана Пратта отпустить меня домой. Он стал возражать:

– Нет, Лютер, я хочу, чтобы ты у нас остался. Когда кончатся летние каникулы и школа возобновит работу, я дам тебе разрешение полностью посещать все занятия в школе, а не так, как раньше, когда ты учился только полдня; или, если тебя больше устроит, полдня можешь учиться, а полдня работать в кладовой.

Но уговаривать теперь меня было трудно. Мой ответ был один и тот же: «Я хочу поехать домой». Только мне не хотелось бежать из школы, как это сделали некоторые из наших мальчиков. Мне хотелось получить разрешение капитана Пратта. Об этом я ему и сказал.

– Хорошо, – наконец согласился он. – Только дай мне слово, что ты вернешься к нам.

Я поблагодарил капитана Пратта, но никакого определенного обещания я не мог ему дать.

Капитан Пратт написал письмо агенту нашей резервации и дал мне деньги на билет.

Итак, я простился со школьной жизнью и отправится в обратный путь на родину, где жизнь моего народа после исчезновения бизонов потекла совсем по другому руслу: никто уже из индейцев не охотился, надо было другим трудом обеспечить себе пищу и одежду.

Дорога прошла довольно тоскливо, так как я не решался с кем-нибудь познакомиться и ехал все время один, забившись в угол вагона.

Было раннее утро, когда поезд остановился на станции Валентайн (штат Небраска). На платформе я увидел отца. Не могу передать, какая это была для меня радость, – ведь мы так долго были в разлуке. Отец крепко обнял меня – видно, и он тосковал. Поговорив немного, мы пошли в буфет позавтракать. Отец заботливо угощал меня, он знал, что я в дороге ничего не ел.

Прошло немного времени, и мы уже сидели в пролетке отца, запряженной парой крапчатых мустангов.

На полпути мы сделали привал: распрягли лошадей, перекусили немного и отдохнули часок. После этого мы продолжали свой путь. Наконец вдали показалась резервация. Наши родственники уже слыхали о моем возвращении, поэтому в доме отца собралось много народу. Некоторые из них сердечно приветствовали меня, другие не решались подать мне руку. Я потом только узнал, что среди окончивших Карлайлскую школу были ребята, которые стеснялись общества стариков индейцев и отказывались здороваться с ними за руку. Были и такие, которые прикидывались, что они забыли родной язык.

Весь вечер только один я и говорил, стараясь рассказать все, что мог вспомнить о нашей школьной жизни, и ответить на многочисленные вопросы. Я слышал несколько замечаний о том, что моя кожа посветлела, – это на самом деле было так, ведь мне пришлось целыми днями быть в помещении магазина, когда я работал в Филадельфии.

Я хорошо выспался в ту ночь дома в чистой постели.

На следующий день мне прежде всего захотелось навестить свою родную мать, которая, как я уже говорил, жила отдельно от нас. Я сказал о своем желании отцу. От него я узнал самую грустную весть, которую только можно услышать: моя мать умерла во время голодовки, пока я учился на востоке. Отец не известил меня о ее смерти, он боялся огорчить меня этой печальной вестью на чужбине, где и без того нам было очень тяжело.

Я СТАЛ УЧИТЕЛЕМ

Проснувшись на следующий день и еще не совсем очнувшись от сна, я не сразу понял, где я: все еще казалось, что затрубит горн в час подъема или тебе самому надо будет трубить, чтобы поднять товарищей. Но потом я вспомнил, что вернулся домой.

Да, школьная жизнь со всеми ее трудностями и огорчениями осталась позади. Теперь надо было здесь найти работу и трудиться, трудиться и своим примером учить других.

Позавтракав, я достал письмо капитана Пратта, которое он адресовал здешнему агенту, и отправился к нему в контору.

Агента звали мистер Райт. Я поздоровался с ним и протянул письмо.

Прочитав письмо, агент сказал:

– Ладно, я тебя устрою на работу, приходи завтра. Моя дочь работает здесь школьной учительницей, ты будешь ее помощником.

На этом кончился наш деловой разговор, и я ушел домой.

Моя педагогическая работа началась с 1884 года, когда мне было 16 лет.

В то время задача, которая стояла перед учителем индейской резервации, была несложная. Вовсе не требовалось быть хорошо образованным человеком, чтобы преподавать в индейской школе. Самым главным было научить наших детей писать их имена по-английски; затем следовало изучение латинской азбуки; потом учили детей читать по-английски и, наконец, считать.

Мне очень нравилась эта работа, и дети, с которыми я занимался, учились хорошо. В первой книге для чтения было много маленьких картинок, это делало урок более занимательным и помогало запоминать. Я заставлял детей прочитать одну строчку по-английски, и, если они не понимали все, что прочли, я им объяснял содержание прочитанного на языке сиу.

Когда я шел в школу, я всегда старался быть опрятно одетым: ведь индейские дети, как и дети других народов, стараются брать пример со своего учителя.

НЕЛЛИ

В Карлайле я часто слышал, как бледнолицые мальчики говорили, что они ходят в гости к девушкам, за которыми они ухаживают. Индейские обычаи не позволяли юноше переступить порог или войти в типи, где жила девушка, которая ему нравилась. Молодым людям разрешалось только подойти к типи и терпеливо ждать, пока девушка выйдет погулять. Индейские девушки были очень скромные и часто совсем не показывались. Молодые люди, которые пришли, чтобы повидаться с девушкой, становились в очередь друг за другом и натягивали на голову одеяло, которое они обычно носили накинутым на плечах вместо шкуры бизона. Так они стояли и ждали минуты, когда им можно будет перекинуться несколькими словами с девушкой, которую они ждали.

Если мать считала, что ее дочь слишком молода, чтобы выбирать себе жениха, она всегда сопровождала ее на прогулке. Одна женщина нашей резервации завела несколько злых собак, чтобы никто из молодых людей не подходил близко к их типи. Должен сказать, что среди нас не нашлось охотника, который захотел бы познакомиться с дочерью этой женщины.

Но бывало и наоборот. Если родителям нравился юноша и они считали, что он будет хорошим другом для их дочери, то они помогали им встречаться.

Мне нравилась одна девушка, по имени Нелли де Кори. Она была очень кроткая и милая. Ее мать была индеанка, совсем неграмотная и грубая женщина, а отец – бледнолицый из колонизаторов, который принадлежал к тем дельцам, которые не брезговали никакими средствами ради наживы. Он уже давно поселился в Южной Дакоте, женился на индеанке, чтобы жить среди индейцев, и стал заниматься тем, что подбирал вещи и продукты, выброшенные индейцами, не знавшими, как использовать паек, отпущенный им правительством Больших Ножей. Но де Кори знал, как использовать эти вещи и продукты. Он продавал все, что подбирал, и скоро сколотил себе порядочное состояние. Его считали самым богатым из людей нашей резервации и в то же время самым скупым.

Как-то раз, когда я был в поле, я увидел издали, что кто-то приближается ко мне на лошадях. Оказалось, что это был мой отец.

Я поспешил к нему навстречу.

– Мой сын, мне хочется поговорить с тобой, – сказал он мне. – Я заметил, что тебе нравится девушка-метиска Нелли де Кори. Если тебе хочется на ней жениться, не обращай внимания на то, что ее родители тебе не по душе. Я тебе советую жениться и поселиться с нею вместе в нашей хижине.

Я последовал зову своего сердца и совету отца. Скоро я женился на Нелли и перевел ее в наш Дом.

ВОЛНЕНИЕ В РЕЗЕРВАЦИИ

Озабоченный семейными обязанностями, я стал искать себе дополнительный заработок. В свободное от школьных занятий время я начал работать в конторе агентства. И на этой работе мне много приходилось встречаться с индейцами нашей резервации: из моих рук они получали деньги за ту работу, которую они делали по соглашению с агентом. Из коротких разговоров, которые между ними происходили, я знал, что нашему народу становится все тяжелей и тяжелей под властью колонизаторов.

Я узнал, что целая родовая группа индейцев переехала на Белую речку, протекавшую на расстоянии семи миль от агентства. Там они разбили лагерь, а посреди него большое типи, специально предназначенное для пляски. Верхушку этого типи они выкрасили в черный цвет, и лагерь их так и стал называться: «Лагерь, где типи с черной верхушкой».

Эти индейцы не делали набегов и никому не причиняли беспокойства, они просто плясали с утра до вечера, оставив все свои дела, – они как бы искали забвения от горькой жизни, которая стала уделом индейского народа.

Но вот до них дошел слух, что в резервации выдаются кровати, столы и другие вещи, которые присланы индейцам правительством Больших Ножей. Созвали Совет вождей, чтобы обсудить, почему агент обошел их родовую группу и они ничего не получили. На Совете было решено послать нескольких индейцев для переговоров с агентом. Во главе этой делегации был вождь, известный под именем Деревянный Нож.

Деревянный Нож сказал агенту, что он и его люди пришли из лагеря, где типи с черной верхушкой, чтобы узнать насчет вещей, которые присланы правительством для индейцев и которые им еще не выданы. Деревянный Нож сказал агенту, что другие индейцы уже получили свою долю и что они тоже хотят получить свою.

Выслушав вождя, агент Райт ответил через переводчика:

– Я знаю, что ты прав, Деревянный Нож. Но я не могу выдать вещи ни тебе, ни твоим людям до тех пор, пока вы живете в своем лагере на Белой речке. Переезжайте сюда, постройте себе хижины, живите здесь на одном месте, и тогда я дам вам и кровати, и столы, и все, что вам следует получить. Я обещаю тебе, что придержу ваши вещи и никому другому их не дам, пока вы не вернетесь. Но подумай сам, ведь уже сколько времени вы пляшете свой неистовый танец и ничего другого не делаете.

Но эти уговоры агента не подействовали. Деревянный Нож и его люди вернулись в свой лагерь раздраженные и воинственно настроенные. Они созвали Большой Совет. Собрались все вожди и решили, что агент не имеет никакого права задерживать вещи. Индейцы говорили:

– Вещи, которые агент не отдает, принадлежат нам, и никому другому, и мы их получим. Добром ли, или силой, но они будут наши. Правительство Больших Ножей хорошо знает, что мы живем лагерем, что наше жилище – типи и что нет у нас ни хижин, ни домов. И все-таки нам прислали столы и кровати и другие вещи. Почему же агент задерживает все это и не выдает нам? Кто дал ему право? Мы должны получить то, что принадлежит нам. Пойдем снова к агенту, и, если он откажет, мы выбросим его отсюда. Мы знаем, что найдется достаточно людей среди бледнолицых, которые с удовольствием согласятся занять его место и, может быть, будут лучше с нами обращаться.

Агенту скоро стало известно о собрании вождей, которое произошло в лагере, где типи с черной верхушкой.

Приближалось время, назначенное для распределения вещей, присланных правительством, и агент индейской резервации распорядился, чтобы все полисмены были на своих местах на случай, если возникнут волнения.

Когда началось распределение, индейцы из лагеря, где типи с черной верхушкой, стояли недалеко, но ничего не получили.

Они не могли понять – почему.

Здесь были вещи, присланные им правительством Больших Ножей, но агент им ничего не дал. Они ушли в свой лагерь, затаив обиду в сердце.

Прошло несколько дней, в агентстве все было спокойно.

Но вот как-то раз на заре на гребне ближайшего холма показались индейцы из лагеря, где типи с черной верхушкой. Некоторые из них ехали верхом на лошадях, другие шли пешком. Все они громко распевали песни храбрых, приближаясь к агентству.

В агентстве началось смятение – воинственное настроение индейцев было слишком очевидным, и нельзя было его не понять.

Индейцы вошли спокойной уверенной поступью в большую комнату, где обычно происходили собрания и которая непосредственно примыкала к конторе агентства.

На плечах у них были накинуты одеяла, под которыми было спрятано оружие.

Деревянный Нож – могучего сложения, очень высокий индеец – шел во главе.

Когда большая комната наполнилась народом, пришло несколько человек из полиции, набранной из индейцев. Полицейские разместились в разных местах среди толпы.

Мне удалось пробраться через толпу и подойти к дверям конторы.

Я чувствовал, что надвигается беда, и мне хотелось помочь моему народу.

Когда я повернулся к ним лицом, я увидел, что все индейцы теперь сидели на полу. Выражения их лиц вызвали в моей памяти рассказы отца о том, как выглядят воины, которые готовы напасть на врага.

Когда все уселись и водворилась тишина, переводчик открыл дверь, которая вела из конторы в большую комнату, а полисмен вынес два стула. Вслед за ним появился агент в сопровождении переводчика. Они сели.

Агент заговорил первый:

– Скажите этим людям, что, если они будут разговаривать со мной по-дружески, я отвечу им тем же.

Тогда поднялся, выпрямившись во весь свой богатырский рост, Деревянный Нож-вождь и представитель индейцев. Он сбросил с себя одеяло, и все увидели у него в руке большую дубинку, на конце которой торчали три лезвия ножей.

Он положил свою дубинку на пол, как раз перед агентом, наступил на нее ногой и начал говорить:

– Мы знаем, что Великий Отец¹¹ сказал: «Если агент поступает с вами несправедливо, прогоните его. Найдется много людей, которые смогут занять его место и сделают это с удовольствием».

– Покажи-ка мне бумагу, где это написано, – спросил с раздражением в голосе агент.

– Мы не бледнолицые, – ответил Деревянный Нож, – и не носим с собой бумаг, мы только запоминаем слова, которые слышим.

– Ты сказал неправду, Деревянный Нож. И если вы собираетесь так со мной разговаривать, я не буду вас слушать.

С этими словами агент повернулся и направился к двери конторы. На этом закончилось собрание.

Индейцы приехали сюда в надежде, что их выслушают внимательно. Во всяком случае, они думали, что добьются того, что их выслушают.

Когда агент повернулся спиной, чтобы уйти, я заметил, как вспыхнул гнев на лицах индейцев, и знал, что беда пришла. В эту минуту индейцы подняли оружие.

Крики: «Убей его, убей его!» – раздавались со всех сторон.

Один из индейцев схватил агента за руку, когда тот переступил порог комнаты. Полисмен, который находился в конторе, схватил его за другую руку. Так они и тянули агента что было сил: индеец из толпы в одну сторону, а полисмен в другую. Скоро подросло еще несколько человек полисменов, и им удалось, наконец, перетащить агента в контору.

Но в этот момент толпа индейцев ворвалась в контору, и полиция оказалась бессильной с ними справиться. Полисмены не решались стрелять, так как боялись, что попадут в своих. Агент пробежал через контору и выскочил через окно во двор, преследуемый толпой индейцев.

Как только толпа в зале совещания поредела, снова появилась полиция. Индейцы были сильно взволнованы и возмущены. В разных концах зала начались схватки с полисменами.

Я бегал по комнате из одного конца в другой и старался успокоить народ, так как знал, что если они будут продолжать рукопашную, то это к добру не приведет. Я пообещал им переговорить с агентом по их делу.

Скоро волнения улеглись. Индейцы из лагеря, где типичная с черной верхушкой, отправились в обратный путь. А я, как и обещал, пошел к агенту и спросил, что он намерен делать в отношении этих индейцев. Он мне ответил, что отдаст им все, что для них предназначено.

¹¹ Индейцы называли президента «Great Father», что в переводе означает «Великий Отец».

Я тотчас же отправился в лагерь индейцев и передал им ответ агента. Они остались очень довольны тем, что я исполнил свое обещание. Через несколько дней индейцы получили вещи, которые им должно было выдать правительство по договору как компенсацию за отнятую землю.

НОВЫЙ АГЕНТ

Вскоре после описанных событий агент Райт покинул резервацию. Видно, он был напуган не на шутку и решил, что одной такой схватки с индейцами для него достаточно. Куда он скрылся, осталось неизвестно. Никто этим не интересовался. Но больше в нашей резервации он не появлялся.

Появился новый агент, по имени Спенсер. Это был человек с приятными манерами, но совершенно беспринципный, плохой человек.

Правительство начало выдавать индейцам больших рабочих лошадей для фермерских работ, так как маленькие индейские лошадки не были достаточно сильны для этого дела. Вместо того чтобы выдавать лошадей всем индейцам подряд, агент сначала присматривался и узнавал, у кого из индейцев сохранились старинные вещи: разные изделия из шкур бизона, вышивки и ожерелья из бисера, живописные головные уборы вождей и т. д. Эти вещи высоко ценились у колонизаторов. Он договаривался и совершал сделку: в обмен на старинные вещи давал лошадь.

Когда мой отец узнал, как бесовестно спекулировал агент, он отправился к индейцу, по имени Красное Перо. Посоветовавшись, они решили, что надо избавиться от такого нехорошего человека. План действий был такой: связать агента по рукам и ногам веревками, положить в телегу, отвезти на границу штата Небраска и там его выкинуть, чтобы и следа его не осталось в резервации.

Но каким-то образом до агента дошел слух о том, что его ожидает. Он хорошо знал, что это не пустые разговоры со стороны отца, и поспешил собрать свои вещи и скрыться, прежде чем отец и Красное Перо осуществят свои намерения. Рассчитывать на чью-либо помощь со стороны индейцев было бесполезно для агента, он хорошо знал об отношении к нему.

Куда он уехал и где скрывался, так никто и не узнал.

Несколько дней в нашей резервации не было никакого агента. Наконец появился молодой человек, по имени Джордж Райт, сын нашего бывшего агента.

НАРОД НЕ ДОВЕРЯЕТ

Прошло немного времени после описанных событий, и в резервации у нас появились уполномоченные, присланные из Вашингтона для первых переговоров о земельных наделах. Все наши вожди были против этой реформы. Издавна индейцы привыкли к тому, что земля, лес принадлежат всему народу, всему племени, они себе не могли представить, что такое частная собственность на землю, а так как от правительства колонизаторов они вообще не ждали ничего для себя хорошего, то их воображение рисовало им страшные картины. Они представляли себе, что получают кусок земли, который со всех сторон будет обнесен забором, как у бледнолицых, с той только разницей, что у индейцев не будет ни ворот, ни калитки и они там умрут с голоду.

Агент послал людей, чтобы созвать индейцев резервации на собрание. Вот они стали появляться со всех сторон на своих маленьких лошадках и расположились лагерем в ожидании, когда начнется собрание.

Вожди стали беседовать с народом относительно наделов и все вместе решили, что никто не будет больше подписывать никаких новых договоров с бледнолицыми.

Мы беседовали несколько раз с отцом по поводу наделов, и я объяснил ему подробно, что нам предлагают бледнолицые.

Отец пришел на совещание, которое происходило в лагере индейцев, и попросил слова.

– Друзья, – сказал он, – к нам приехали бледнолицые, которых правительство уполномочило поговорить с нами по вопросу о наделах земли, с тем чтобы заключить договор. Мой сын объяснил мне, в чем тут дело, и мне кажется, что нам следует хорошенько над этим задуматься. Каждому из нас будет отведен участок земли – это для того, чтобы его обрабатывать и сеять кукурузу и хлеб. Но земля здесь бесплодна, и вряд ли мы что-нибудь соберем, если посеем. Поэтому я предлагаю заявить, чтобы нам дали в два раза больше земли, с тем чтобы мы могли заниматься скотоводством. Если они на это согласятся, то мне кажется, что можно подписать соглашение. Наше племя, кроме того, получит три миллиона долларов за ту землю, которая отойдет от нас. Половина этой суммы пойдет на образование наших детей, остальную сумму правительство Больших Ножей обязуется выплатить нам на протяжении двадцати пяти лет. Когда умирают наши старики, у них нет ничего, что они могли бы оставить своим детям; если же у каждого из нас теперь будет своя земля, то он передаст ее по наследству своим детям, и никто не сможет отнять ее.

Тогда поднялся вождь Медведь Пустой Рог. Он был против наделов. Как главе другой родовой группы, ему предоставили слово.

– Мои друзья, – сказал он, – вы все слышали, что сказал мой тесть Отважный Медведь. Я его очень уважаю за его светлый ум, но мне кажется, что на этот раз он не прав. Он верит тому, что нам обещают бледнолицые, но на самом деле это лишь новая хитроумная выдумка, чтобы отнять у нас землю. Не раз они уже водили нас за нос, и мы оставались ни с чем. Мы не можем доверять бледнолицым. Они приходят к нам с речами слаще меда, но слова их лживы. Мы не будем больше подписывать договора с бледнолицыми.

Все индейцы закричали: «Хау!» Это означало, что они согласны с тем, что сказал мой шурин Медведь Пустой Рог¹².

Один за другим вставали вожди и обращались с речью к индейскому народу. Почти все говорили против наделов, так что едва ли можно было рассчитывать, что договор будет подписан.

Однако итоги этого собрания, на котором присутствовали одни только индейцы, не были зарегистрированы в официальных документах.

Индейцы настолько не доверяли этому предложению правительства Больших Ножей, что решили убить индейца, который первым подпишет соглашение с бледнолицыми; и люди, которые придерживались другого мнения, как и мой отец, не решались высказаться из-за боязни быть убитыми.

Наконец настал день, когда должно было произойти большое собрание в агентстве. На нем должны были присутствовать все вожди, так же как и весь индейский народ резервации, чтобы послушать, что скажут бледнолицые.

¹² Вождь Медведь Пустой Рог был женат на моей старшей сестре Уостевин.

Уполномоченный, который выступил первым, подробно объяснил индейцам, что они должны получить и какое образование собираются дать их детям и т. д. Он упомянул также о школе в Карлайле и работе с детьми капитана Пратта. Потом выступили еще несколько человек представителей от вашингтонского правительства, которые тоже старались убедить индейцев, чтобы они подписали договор.

Один из индейцев встал и попросил слова. Он сказал, что их народ не разобрался еще в этом предложении правительства, и если агент обеспечит индейцев питанием на один день, то они созовут собрание еще один раз и, может быть, вынесут решение. Агент дал свое согласие. Как только индейцы вернулись в свой лагерь, они начали обсуждать волнующий их вопрос.

На следующий день все снова собрались около агентства. Снова выступили уполномоченные и за ними индейцы.

Вождь Медведь Пустой Рог сказал:

– Вы, бледнолицые, пришли к нам снова, чтобы предложить то, чего мы до конца не можем понять, Вы прикидываетесь нашими друзьями, но мы не верим вашим словам. Вы не выполнили ни одного из прежних договоров. Зачем же вы приходите к нам еще с новыми предложениями? Почему вы сначала не уплатите нам ваши долги? После этого было бы разумнее начать новые переговоры.

Другие вожди поддержали выступление Медведя Пустого Рога, и все стали настаивать на том, что сначала надо выполнить старые обязательства.

Уполномоченные же убеждали индейцев, что старые договоры остаются в силе и правительство исполнит свои обязательства.

Индейцы отнеслись с недоверием к уверениям бледнолицых и сказали, что вернутся в лагерь и там еще раз все обдумают. Они ушли и снова создали Совет. Мой отец присутствовал на всех собраниях индейцев, но уже больше не выступал: все знали его отношение к этому делу.

Наступил день, когда назначено было третье совещание индейцев вместе с уполномоченными. Снова представители вашингтонского правительства всячески старались убедить индейцев подписать договор о земельных наделах. Но все было напрасно.

Один из бледнолицых ораторов в заключение сказал:

– Мы знаем, что среди вас есть люди, которые одобряют наше предложение. Завтра мы соберемся здесь и дадим им возможность поставить свои подписи. Те же, которые по-прежнему не хотят принять наше предложение, не будут подписываться.

Никто не мог понять, о ком шла речь, когда уполномоченный сказал, что среди индейцев есть люди, которые одобряют предложение о наделах. Всем индейцам хорошо было известно, что мой отец был за наделы, но все так же хорошо знали, что отец не принадлежал к людям, которые выслуживаются перед колонизаторами, и свое отношение к взволновавшему индейский народ вопросу он не стал бы высказывать Большим Ножам.

Но был среди людей нашего племени человек, по имени Черная Собака, индеец, который застрелил вождя, по прозвищу Крапчатый Хвост. Правительство разрешило Черной Собаке носить шестизарядный револьвер для самозащиты, даже когда он шел на собрание. Однако Черная Собака не посетил ни одного собрания индейцев, независимо от того, присутствовали ли там бледнолицые или нет. Он боялся мести. Каким-то образом ему удалось узнать о выступлении моего отца. Черной Собаке точка зрения моего отца показалась правильной, но открыто заявить об этом на собрании он не решался. Тайком от

своего народа, ночью он пробрался к уполномоченным и поставил свою подпись под новым договором. Отсюда и пошла молва.

На следующий день мой отец с несколькими из своих друзей отправился к агентству. Все индейцы собрались здесь, как и раньше, но на этот раз они были вооружены. Уполномоченный снова взял слово, а потом спросил, хочет ли кто-нибудь из присутствующих выступить.

Тогда поднялся мой отец и сказал:

– Мои друзья, вы все помните, что я говорил относительно нового договора. Я думаю, что если мы поставим свои подписи под новым договором, другими словами – согласимся на земельные наделы, то этим мы поможем нашим детям и их детям также. Я думаю, что настанет день, когда индейцы будут жить вместе с бледнолицыми, поэтому детям нашим необходимо получить такое же образование, какое получают дети бледнолицых. Поэтому я и поставлю свою подпись под договором.

Крики: «Убей его! Убей его!» – разнеслись по всему зданию. Но мой отец не повернул даже головы. Он подошел без колебания к столу и коснулся пера – это была его подпись, – ведь он никогда не учился и не умел писать.

Друзья моего отца были очень взволнованы и стали оглядываться по сторонам. Кто-то в толпе поднял ружье и хотел выстрелить, но его тут же схватили и вытолкнули из комнаты.

Увидя, что все обошлось благополучно, примеру отца последовали и другие индейцы. Набравшись храбрости, они стали подходить к столу один за другим и касаться пера. Но индейцы, которые не были согласны подписать договор, вышли из комнаты. Среди них был и вождь Медведь Пустой Рог.

Прошло 17 лет, прежде чем индейцы нашего племени получили свои наделы земли. Та ужасная картина, которая рисовалась в их воображении, была не далека от истины. Их самые страшные опасения подтвердились: правительство колонизаторов на самом деле потребовало, чтобы индейцы обнесли забором всю землю, отведенную им под резервацию.

Индейцы боялись умереть с голоду за этим высоким забором.

Можно ли представить себе более унижительную работу для свободолюбивого индейца, привыкшего кочевать по безграничным просторам прерии, чем строительство этого забора, за пределы которого запрещено было выезжать! Такая резервация напоминала нам загон для скота.

Нет, эта перемена не принесла радости. Колонизаторы отвели нам бесплодные участки, забрав лучшую землю себе. Они лишили нас свободы передвижения и не дали нам прав американского гражданства, несмотря на то, что Америка была нашей родиной. Нас угнетала постоянная зависимость от агентов, которые смотрели на свое пребывание в резервации лишь как на доходное место, и их совсем не тревожило горе нашего народа.

Приближался день, когда народное волнение разразилось бурей.

ВОССТАНИЕ

Был 1890 год. Агенты резервации стали с беспокойством замечать, что в разных местах равнины индейцы пляшут какой-то странный танец, который они называли пляской духов. Место пляски можно было определить по облакам пыли, нависшим здесь и там над землей.

Однажды меня позвали в контору агента. Там я увидел индейца, известного под именем Короткий Бык, и еще одного юношу индейца На просьбу агента объяснить, почему новый танец взбудоражил такое огромное количество индейцев и что кроется под этой пляской, Короткий Бык ответил:

– Ты знаешь, что с тех пор, как бледнолицые охотники уничтожили бизонов, нашему горю нет предела. Мы услышали, что на Дальнем Западе появился замечательный человек-ясновидец, и нам захотелось повидать его. Собралось несколько племен, и мы отправились все вместе туда, где садится солнце. Там на самом деле мы увидели этого человека. Ясновидец сказал нам, что у нас будет новая земля, что старая земля перекроется новой, и пока это будет происходить, мы должны все время плясать, чтобы остаться на поверхности земли.

Этот человек сказал нам, что все бледнолицые погибнут потому, что они не верят в новую землю. Даже индейцы, которые не верят, попадут тоже под покров земли и задохнутся. Он сказал нам, чтобы мы плясали. Он показал нам видение старого времени, когда было много бизонов, когда на равнине были большие стойбища и народ наш жил хорошо и весело. И он сказал нам, что это время вернется.

Этот человек ударил по земле и высек огонь. Он обратился ко всем нам с речью, и его поняли все племена. Он сказал, что все бледнолицые погибнут и снова появятся бизоны. Он научил нас песне, которую мы должны петь во время танца. Он показал нам, где солнце падало в океан, и океан тогда начинал кипеть, и становилось жарко.

Тут я возразил Короткому Быку и сказал, что это неверно, что океан не кипит при заходе солнца.

Короткий Бык посмотрел в упор на меня, но ничего не сказал.

Агент говорил и с тем и с другим индейцами очень осторожно и просил их не волновать своими рассказами местное население. Они оба дали обещание не делать этого и отправились домой.

Однако очень скоро стало известно, что большинство индейцев агентства Розбад присоединились к пляшущим таинственный танец. Нам было видно, как пыль поднималась в небо над местом пляски, и были слышны звуки индейского барабана томтом. Они танцевали до тех пор, пока не падали от изнеможения.

Танец происходил на равнине около восьми миль на запад от агентства, на западном берегу Белой речки. Мы легко могли это определить по страшной пыли, которую подымали пляшущие.

Индейцы крепко поверили в то, что, участвуя в танце, они освободятся от ненавистных бледнолицых, которые так долго мучили их.

Племя моего отца еще не присоединилось к танцующим. Отец недавно переехал в агентство Пайн Ридж и оставил на старом месте, в агентстве Розбад, во главе индейцев своих двух зятьев: одного из них звали Высокая Трубка и другого-Черный Рог.

Увлечение танцем росло, присоединялись все новые и новые люди. И ежедневно от пляски облака пыли подымались высоко в небо.

Джордж Райт, наш молодой агент, попросил меня съездить к индейцам, вождем которых был мой отец, и от его имени переговорить с ними.

Эти индейцы расположились лагерем около пяти миль на запад от агентства, на восточном берегу Белой речки, всего лишь в трех милях от танцующих на противоположном берегу реки, и лучше нас могли видеть и слышать, что там происходило.

Я согласился поехать. Мистер Райт предложил мне свою бричку и бледнолицего кучера, и мы скоро выехали.

Прошло немного времени, и мы увидели вдаль лагерь. Все типи его были расположены по кругу. Я сказал кучеру, чтобы он въехал в самый центр. Это был большой лагерь, наверное с четверть мили в диаметре. Когда бричка остановилась, индейцы вышли и с любопытством ждали, что я им скажу. Вели они себя спокойно.

Я сказал им, что мне хочется помочь им, братьям моим, народу моему, поэтому я сюда и приехал. Я посоветовал им не присоединяться к пляшущим, так как правительство скоро приостановит эту пляску и будет очень плохо всем, кто участвовал в ней. Я добавил, что правительство может послать вооруженных солдат и тогда будет беда.

Напоминание о солдатах встревожило индейцев. Тогда я предложил им, чтобы они перевезли свои типи поближе к моему дому и там разбили лагерь. Мой дом был на расстоянии всего лишь полумили от агентства.

Они все согласились переехать туда на следующее утро. Мне было очень приятно, что моя беседа оказала должное действие.

Вскоре после того как я уехал из лагеря, дела приняли совсем другой оборот. Вслед за мной приехал в лагерь мой дядя Твердое Сердце. Он сразу заметил, что индейцы собираются сняться лагерем и куда-то переехать, и спросил о причине такого внезапного решения. И когда он услышал, что они собираются разбить свой лагерь около моего дома, он сказал им, что этого нельзя делать, что скоро новая земля перекатится поверх старой и поэтому они должны либо присоединиться к пляшущим, либо погибнуть вместе с теми, кто не верит ясновидящему.

И все-таки эти увещания Твердого Сердца не остановили бы индейцев и они переехали бы к моему дому, если бы в тот вечер не пришел человек с известием, что приближаются солдаты. Это настолько испугало их, что они снялись лагерем и уехали задолго до рассвета в другом направлении.

Проснувшись на следующее утро, я выглянул в окошко в надежде увидеть типи наших индейцев вокруг моего дома. Но мне пришлось разочароваться: не было видно и следа лагеря.

Я вглядывался в даль, в направлении, откуда они должны были приехать, но ничего не было видно. Тогда я понял, что они чем-то были напуганы и не могли исполнить свое обещание.

Индейцы, которые остались в агентстве, собрались, чтобы обсудить вопрос о пляске. Здесь были люди, которые попали под влияние ясновидящего; были и такие, которые относились к этому скептически.

Я заметил, что народ собирался в доме Крапчатого Хвоста.¹³ Это был довольно большой дом, выстроенный ему, как мы уже говорили, правительством Больших Ножей как плата за то, что Крапчатый Хвост продал без нашего ведома всю северную часть теперешнего штата Небраска, которая издавна была нашим охотничьим участком и где были прекрасные пастбища.

Я жил в доме, купленном моим отцом, на склоне холма, чуть пониже дома Крапчатого Хвоста, и мне хорошо было видно, как люди сходились на собрание. Заметив, что вошло несколько видных вождей, я решил спуститься и посмотреть, что там будет происходить.

¹³ Несмотря на то, что Крапчатый Хвост был убит в 1881 году, его дом по-прежнему назывался домом Крапчатого Хвоста.

Когда я вошел, выступал Медведь Пустой Рог, мой шурин. Я остановился в дверях и стал слушать. Он не верил в предсказания знахаря и выступал против участия в танце. Все, кто не был сторонником танца, время от времени восклицали «Хо!»

Утром разнеслась молва о страшном избиении всей родовой группы Большой Ноги. Были убиты мужчины, женщины, дети и даже младенцы на руках у матерей! Это было делом рук солдат. На страницах истории, написанной бледнолицыми, эти печальные события названы «битвой у лагеря Вундед-Ни», но это не была битва, это была бойня, уничтожение.

Солдаты были посланы властями для защиты этих индейцев и их семей, потому что они не присоединились к пляшущим. Но вместо защиты индейцев их перестреляли, не дав даже возможности сопротивляться: солдаты заранее отняли у них оружие.

Кровь забурлила во мне от гнева. Я готов был взяться за оружие, чтобы отомстить за свой народ.

Взволнованный этим ужасным преступлением, я спрашивал себя: зачем же ты учился у бледнолицых, зачем ты учил свой народ следовать по их пути? Где же тут цивилизация, если они не щадят ни матерей, ни стариков, ни даже детей?

Еще больше индейцев присоединилось к пляшущим таинственный танец. Они знали, что ничего более ужасного не может случиться, чем та судьба, которая постигла их родных и друзей.

Обычно после таких трагических потрясений слухи начинают распространяться в большом количестве и быстро. Так как в те дни не было телефонов, то проверить, правильны ли они или нет, мы не могли. Нас волновала судьба наших близких и друзей. Слухи доходили до нас все время, и они не были утешительны.

Однажды индеец вбежал в агентство и сообщил, что он слышал, как кто-то из солдат сказал:

«Хороший индеец – это мертвый индеец. Мы перебьем их всех, все равно, образованные они или нет».

Но скоро распространился другой слух:

«Все индейцы, которые живут и работают с бледнолицыми, будут считаться как бледнолицые, и их не будут убивать».

Эти слухи стали циркулировать два дня спустя после трагических событий в лагере Вундед-Ни. Тогда был отдан приказ агентам, чтобы никто не выходил из дому, -никто, ни мужчины, ни женщины. Нервы у всех были напряжены до последней степени. Мой дом был окружен со всех сторон солдатами, и я не знал, живы ли мои близкие или нет. Моя жена с детьми уехала погостить к отцу прежде, чем разыгралась трагедия.

Я обсудил положение с двумя товарищами по школе, которые гостили у меня: Джулианом Уистлером и Франком Дженисом. Мы решили, что нам необходимо оружие, чтобы быть наготове, если придется сражаться с солдатами. Не теряя времени, мы достали себе по ружью и много патронов. Хотя все мы были воспитанниками школы в Карлайле, где нас учили обычаям бледнолицых, но наши сердца были с индейским народом, и мы должны были сражаться на его стороне.

Прошло несколько дней, и я решил побывать на месте печальных событий в Вундед-Ни, а потом проехать в агентство Пайн Ридж, чтобы навестить отца и узнать о судьбе моей жены и детей. Я ничего о них не слышал.

Все это время шел снег и погода стояла очень холодная. Надо было проехать 30 миль верхом на лошади, но меня это не пугало: лошадь у меня была хорошая, и я был тепло одет.

Я приехал на место, где разыгралась трагедия, рано утром. Тела были уже убраны. Только кое-где валялись трупы лошадей.

Жерди типи были изломаны и лежали, нагроможденные в кучи. Кухонная посуда валялась повсюду в беспорядке. Старые фургоны лежали опрокинутыми, с обломленными оглоблями.

Тишина, которая царила над этим разоренным, опустошенным местом, была жуткая, угнетающая.

Только что начало светать. Я увидел много маленьких прудов. В некоторых из них вода была чистая и прозрачная, в других же она была красная-от крови моего народа...

Я был вне себя от гнева и негодования, и, если бы сейчас попались мне солдаты, я перестрелял бы их всех. Но никого не было. Это место смерти, опустошенное и покинутое всеми, было ужасно.

Я постоял несколько минут совсем тихо, чтобы почтить память погибших.

Потом повернулся и поскакал: меня беспокоила судьба близких. Надо было навестить их или хотя бы узнать, все ли у них благополучно.

По дороге я встретил нескольких индейцев. Мой первый вопрос был: знают ли они что-нибудь об отце и моей семье? Они ответили, что отец и вся семья живы.

Эти вести отчасти успокоили меня, но печальные раздумья о судьбе моего народа не покидали меня.

После кровавой расправы бледнолицых все индейцы, которые участвовали в танце, собрали большое количество оружия и ушли на север резервации, в горы, где скрылись в неприступном ущелье. В воде они не чувствовали там недостатка, кругом рос лес, так что и костер было чем разжечь, а мясо они доставали себе ночью: резали скот колонизаторов, который пасся на соседних пастбищах.

Они держали на посту днем и ночью у входа в ущелье двух разведчиков, так что никто не мог пробраться к ним незамеченным.

Солдаты даже не пробовали подойти близко, это было бы слишком большим риском. Всем было известно, что индейцы, у которых были ружья, умели хорошо ими пользоваться. Те же, у кого были луки и стрелы, были превосходными стрелками.

Все знали, как сильна ненависть индейцев к бледнолицым, и это делало оружие в их руках еще более грозным. Индейцы, которые скрывались в ущелье, поклялись перебить всех бледнолицых за то, что они убивали и уничтожали индейцев, как диких зверей. Они заявили, что независимо от цвета кожи убьют всех, кто посмеет приблизиться к ним для переговоров.

Начальник гарнизона генерал Майлс, обеспокоенный серьезным положением, созвал оставшихся вождей и предложил им начать переговоры о мире. Он знал, что, если его солдаты попробуют проникнуть в ущелье, потери с той и другой стороны будут очень большие.

Мой отец был в то время главным вождем. Он считал, что воевать с бледнолицыми теперь уже поздно. В памяти его запечатлелись большие города бледнолицых. Большие Ножи были везде и всюду, по всей стране, и количество их увеличивалось с пугающей быстротой. Как могла бороться с ними горсточка индейцев? Отец болел сердцем за судьбу

своего народа, он боялся, что они потонут в крови, и, не находя другого выхода, он предложил поехать с трубкой мира к восставшим.

Итак, десять вождей выехали верхом на лошадях, не зная, вернутся ли они живыми. Мой отец держал на вытянутых руках трубку мира.

Когда они подъехали к входу в ущелье, их узнали индейцы, охранявшие вход, и дали проехать.

Вожди въехали в ущелье на глазах у всех индейцев. Здесь они спешили. Мой отец продолжал держать трубку мира обеими руками, вытянув их впереди себя. Вожди не сказали ни слова. Они встали в круг и сели на землю. Водворилась могильная тишина. Большинство индейцев были суеверны и боялись, как бы с ними не произошло страшное несчастье, если они откажутся принять трубку мира.

Однако наиболее воинствующие индейцы пришли в неистовство при виде трубки мира. Они были верхом на лошадях и поскакали прямо по направлению, где сидели отец и другие вожди. Ни один из вождей не пошевелился, они продолжали сидеть спокойно. У одного из индейцев, по имени Десять Пальцев, было заряжено ружье.

Он подошел к отцу и сказал:

– Бледнолицые перебили наших людей без всякого сожаления, и мы хотим с ними сражаться. Зачем вы привезли трубку мира?

Как только он кончил говорить, раздался выстрел из ружья. Пуля ударила оземь между коленями моего отца и обдала грязью его лицо.

Отец не двинулся с места и не сказал ни слова в упрек. Он приехал к восставшим с трубкой мира, потому что хотел спасти индейцев от гибели. Ему казалось, что другого выхода не было.

Вожди уехали. Вслед за ними вернулись и многие из восставших индейцев...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На этом мы заканчиваем повествование из книги Мато Нажина о судьбе его родного племени.

В дальнейшем события развивались так: уважение к вождям, приехавшим с трубкой мира, отчасти же суеверный страх перед несчастьем, которое будто бы случится, если не принять трубку мира, заставило восставших индейцев вернуться в свой лагерь. Но вернулись не все. Самые непокорные и воинственные остались в ущелье и продолжали агитировать за восстание.

Волнение охватило двадцать индейских племен, живших на обширной равнине Северной Америки, которая тянулась от Техаса на север до Саскачевана (Канада) и от Скалистых гор на западе – на восток до реки Миссисипи.

Молва о «знахаре-ясновидце», который предсказывал возвращение к старой жизни, к той жизни, когда индейцы кочевали свободно и обеспечивали себе все необходимое охотой на бизонов, его предсказания, что на равнине будут пастись бесчисленные стада бизонов и что на всей этой обширной земле не останется ни одного бледнолицего, – эта молва всколыхнула самые заветные мечты индейцев. Она облетела 20 племен, говоривших на разных языках. Посредником в передаче этих волнующих новостей была индейская молодежь, связанная со школьной скамьи тесной дружбой. Они окончили школы бледнолицых и изучили там английский язык – язык колонизаторов, которых они

ненавидели всем сердцем. И вот теперь они воспользовались своими знаниями как орудием борьбы против колонизаторов.

Письма, написанные на английском языке, стали передаваться с севера на юг-из Монтаны в Техас и обратно, призывая индейский народ к восстанию.

Индейцы мечтали одним могучим натиском сбросить в Атлантический океан ненавистных колонизаторов вместе с их жестокой цивилизацией. Но так как язык этого подпольного движения был английский, то сохранить тайну оказалось невозможным. Вышло так, что почтовый чиновник-метис по просьбе индейца, не умевшего читать по-английски, прочел и перевел ему на родной язык письмо, призывающее к восстанию.

Скоро содержание этого письма стало известно правительству в Вашингтоне.

Волнение в резервациях не могло ускользнуть от внимания агентов. Встревоженные тем, что индейцы восстанут, они стали посылать одно за другим письма в Вашингтон с требованием прислать войска и навести порядок в резервациях. Предполагали, что начало восстания произойдет в резервации Пайн Ридж, а поэтому туда стали стягивать войска.

Агент этой резервации Ройер¹⁴ в своем годовом отчете за 1890 год говорит о непосредственных причинах, которые, по его мнению, вызвали беспокойство среди индейцев.

В 1899 году был подписан договор между вашингтонским правительством с индейцами племени сиу, по которому правительство обещало снабдить индейцев мясом. Большинство индейцев поверили обещаниям правительства и поставили свои подписи. Но позже обнаружилось, что количество обещанного мяса было снижено на миллион фунтов. Таким образом, вместо 5 миллионов фунтов они должны были получить 4 миллиона фунтов. Все обращения к правительству Вашингтона оказались напрасными, и индейцы не только окончательно потеряли веру в обещания правительства, но решили, что их хотят заморить голодом.

В этом же отчете находится следующее сообщение:

«Ранней весной до местных индейцев дошел слух, что появился великий знахарь в районе Уинд Ривер. Ему приписывали необыкновенную силу и говорили, что он должен воскресить умерших вождей этого племени и вернуть индейцам бизонов и другую дичь, которые появятся в таком количестве, как никогда раньше. Тогда индейцы снова станут хозяевами своей страны, а бледнолицые в панике бросятся в бегство, оставив землю в полную собственность индейцам навсегда. Как ни странно, многие индейцы поверили этим рассказам и верят до сих пор. Вскоре сиу, обитавших в районе Вундед-Ни-Крик, навестил индеец племени шайенов. Он недавно совершил паломничество к знахарю. Он научил этих индейцев таинственной пляске и так взвинтил их своими рассказами о великом ясновидце и его предсказаниях, что они стали собираться большими массами и плясать до потери сознания.

Может быть, из всего этого не получится ничего дурного, но мне кажется, что лучше вовремя принять меры, чтобы обеспечить безопасность».¹⁵

Итак, в резервации Пайн Ридж было стянуто большое количество войск.

Положение индейцев было безнадежно. Их окружили солдаты, вооруженные по последнему слову техники. Снова полилась индейская кровь. Солдаты хорошо запомнили поговорку своих генералов: «Хороший индеец – это мертвый индеец». Не впервые им пришлось участвовать в карательной экспедиции.

¹⁴ Индейцы называли его «Лакота Кокипа Кош Кола» - «молодой человек, который боится индейцев».

¹⁵ Кларк Уисслер (заведующий отделом антропологии Американского музея естественной истории). История последнего восстания индейцев. Журнал «Natural History», т. XLI, в 2, февраль 1938 г., Нью-Йорк.

Скоро могилы убитых заросли травой, но те индейцы, которые остались в живых, не могли расстаться с мечтой о свободе.